

Р. Майер

О судьбе умерших

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
Бессмертие
О вступлении в царство умерших
Пробуждающий
Порог смерти
Проводы в последний путь
К вопросу о погребении
Культовая общность с умершими
Восхождение души к Богу
Воскрешение Лазаря
Поэтические свидетельства (Данте и Гёте)
Реинкарнация
Закон судьбы
Христов свет в царстве умерших
Об общении с умершими
Разговор над могилой
Об умерших молодыми
Ушедшие до срока
О самоубийстве
Души в звездном царстве
О жизненном сообществе умерших
Судный день
Тропой усопших
Заключительные заметки

ПРЕДИСЛОВИЕ

Смерть - величайший учитель жизни. Часто и с глубокой серьезностью обращая к ней свой душевный взор, вовсе не обязательно бежать от мира или отрицать жизнь. Она лишь учит нас подходить к жизни с мерками, отличными от тех, что приняты в чувственной сфере. Она будет внушать нам страх и ужас, пока загадка ее сокрыта от нас. Однако в эту загадку можно проникнуть, она сама стремится раскрыть себя. Смерть - составная часть нашей жизни и всюду переплетается с нашим бытием. Действительно утверждать жизнь - значит утверждать и закон смерти. Иными словами, быть готовым уйти в любое мгновение, с благодарностью принимаемое от жизни.

Чтобы приподнять завесу тайны над загадкой смерти, мы в этой книге призываем на помощь догадку, веру и познание. Хотя автор и считает, что нашел для себя ответ на этот вопрос в Христе, Победителе смерти, догматических рассуждений об этом факте читатель здесь не встретит. Как не встретит и того, что ныне принято называть логическими доказательствами, которые все время лишь топчутся у порога. Интеллект в том виде, в каком человек знает его и применяет, есть самая смертная из всех человеческих сил, ибо он целиком и полностью призван к своему орудию - мозгу. Можно даже сказать, что он

единственная из наших сил, абсолютно обреченная смерти. Так откуда же ему взять способность постичь бессмертное?

Мы просто поведем рассказ. По рассказ наш, помимо догадки и норы, будет апеллировать и к силам мышления. Пусть "невероятное" на первых порах останется не более чем гипотезой, главное - подойти к нему с внутренним ощущением истины. И может быть, в конце концов читатель почувствует в построении целого воздействие покой силы. Со временем она, вероятно, преобразует силы нашего мышления, пробудит их к воссозданию высшей реальности в духе. Тогда познание станет самым свободным из поступков человека, а не просто логической неизбежностью под нажимом внешних фактических доказательств.

Стремление к такому познанию жило, к примеру, в умах великих представителей немецкого идеализма. Но волна материализма, нахлынувшая в XIX веке, затопила духовный носов Гёте, Фихте, Шеллинга, Новалиса и др., помешав ему взойти по-настоящему.

Автор данной книги видит в том, что совершил для познания Рудольф Штейнер, новым, могучим прорыв этих духовных сил, способных активно и в полном сознании подняться к созерцанию духовной реальности. В просветленной ясности идеи и живительном огне познания открылось на рубеже веков это стремление к духу. В нем мысль празднует свое воскресение из гроба материализма. Сам пасхальный свет начинает сегодня мыслить в человеке, формируя и мыслящем таким образом духовное око, чтобы он мог видеть.

Продолжавшаяся многие годы борьба за этот свет воскресения, сиявший из духовной науки Рудольфа Штейнера, помогла автору решиться написать эту книгу. Участие в религиозном обновлении современности, в строительстве сакраментального христианства придало повествованию особую направленность и, как он полагает, глубину.

Конечно, такая книга способна лишь отчасти удовлетворить многообразным требованиям, какие не может не выдвигать человек, рискнувший взяться за описание высочайшей жизненной мистерии - смерти. Сомневающемуся ученому хотелось бы представить много более основательный разбор проблем естествознания и психологии. Для верующего христианина можно бы тесно увязать повествование с религиозными откровениями. Для того, кто сам знаком со сверхчувственной жизнью, важное всего был бы подробным рассказ о стезе познания, ведущем к переживанию мира умерших. Все эти и многие другие аспекты в ходе работы над книгой находились перед внутренним взором автора. И все они абсолютно оправданны. Однако с точки зрения высочайших загадок бытия зачастую наиболее плодотворны те ответы, что представляются крохотным зернышком. В открытой душе это зернышко может прорасти. И автор считает, что сеять подобные мысли в наше время необходимо. Умершие сами испытывают ныне насущную потребность в наведении духовных мостов.

БЕССМЕРТИЕ

"Смерть есть рождение" - как часто произносились эти слова! Рождение, при котором обретает бытие второй человек, человек более высокого порядка, и которое знаменует прорыв нашей сокровеннейшей сущности в сферу жизни много более реальной, чем вся земная жизнь.

Никогда мы не удовольствуемся ответом, касающимся лишь вопроса о том, продолжаем ли мы "жить" после смерти. Внутренняя умеренность вселяется к нас, только когда начинает проясняться вопрос, как мы будем жить после распада своей земной плоти и что останется от нас, продолжая жить дальше...

Сама по себе мысль о бессмертии, принятая на веру или обоснованная философски, не способна прояснить неизвестность, в какую мы вступаем, умирая. Но все неизвестное страшит нас до тех пор пока мы не знаем, сумеем ли с ним справиться. Подспудный страх,

хоть и хорошо замаскированный, живет в глубине души у всех людей, для которых мир смерти остается неведомым Нечто, а равно и у тех, кто полностью отрицает "сякое бессмертие. Как человек, я, не утрачивая внутренней свободы, могу встретить лишь то, что начинаю понимать или к чему, по крайней мере, смутно испытываю доверие.

Но внутренняя свобода неразрывно связана с человеческим достоинством. По мере овладения ею мы растем как люди. Вот почему в истории были целые тухи, усматривавшие смысл и благороднейшее устремление жизни в овладении "искусством умирать".

Для Сократа философские занятия вообще были искусством, позволяющим научиться правильно умирать. Как свидетельствует Платон, спокойно выпив по приказу суда чашу с ядом, Сократ в ожидании смерти вел оживленные беседы о вечном. А когда почувствовал, что смерть совсем рядом, сказал собравшимся вокруг него друзьям: "Принесите в жертву Асклепию петуха!"

Миг смерти представлялся ему великим избавлением от болезни. И разве не должно мудрецу идти на смерть с благодарностью, подобно тому как выздоравливающие от тяжкого недуга приносят благодарственную жертву богу врачебного искусства?

И все же от таких слов веет стремлением бежать от мира. Нам известно, каким смелым и жизнерадостным был этот греческий мудрец. Однако ж земное тело было для него тюрьмой, а смерть - избавлением.

Взгляд на земную жизнь как на тяжелую болезнь от которой человека может избавить одна лишь смерть, был широко распространен и в сред-невековом христианстве. Зачастую. этот настрой грозит опасностью оценивать всю земную жизнь лишь с точки зрения этого света". Нам людям сегодняшним, отсутствие ощущения самостоятельной ценности: этой жизни, тенденция видеть в ней лишь подготовку к другому, лучшему бытию представляется осквернением земли. Ницше говорил о "заплутавшей добродетели", которая ищет обоснование для своей жертвы исключительно в надзвездных далях. Мы же хотим хранить мерность земле. Мы перестали доверять религиозным обстоятельствам стремящимся воздействовать на земную нравственную жизнь надеждою на небесное блаженство и страхом перед вечными муками.

Как раз самые честные умы нового времени нередко пытались отвлечь взоры людей от мира, ожидающего нас после смерти. Разве эгоизм в религиозном облачении не есть много большая опасность, нежели естественные инстинкты себялюбия? Ведь он отравляет всякое благородство душевной жизни. Скрывающийся. за ним тайный расчет искажает нашу добродетель.

Лютер начал свою реформаторскую борьбу протестом против торговли индульгенциями. Церковный обычай накалывать за деньги молебны, чтобы с их помощью обеспечить себе сокращение или смягчение мук, ожидающих душу в чистилище, он считал главным злом, причиной религиозного упадка в целом. На все, что вносит элемент расчета в отношение души к вечному, он смотрел как на осквернение религиозных и нравственных устремлений.

С тех пор вновь возникающие мировоззренческие системы избегают мотивировать нравственную жизнь человека тем, что ожидает его на этом свете", т. е. наказанием или наградой.

Взять, к примеру, Канта: он хотя и выводит из идеи Бога веру в справедливое воздаяние за наши поступки, т.е. выдвигает требование "нравственного мироустройства", которое должно существовать и действовать где-то по ту сторону чувственного мира, по выстраивает свои нравственные принципы, не заманивая и не угрожая иным миром. "Категорический императив" говорит в человеке строгим и чистым голосом, в нем нет ни расчета, ни подтасовки. Он опирается на осознание человеческого достоинства как такового.

Фихте идет в этом направлении еще дальше. В нравственном требовании, чисто и величественно сияющем в человеческом Я, ему видится "бесконечная задача", которую

невозможно выполнить до конца в пространственно-временных пределах нынешнего бытия. И все же "моя задача" есть самое надежное, непоколебимо-надежное, что может воссиять в моем сознании. Она надежнее переменчивого мира явлений. "Я вечен, ибо вечна моя задача!" Для Фихте эта истина не просто логический вывод. Она непосредственное постижение вечности нашего существования через участие в нравственно-духовной жизни. Как часть нравственного мира, как орган царства духов, которое мне должно выразить в земном бытии, я стою по ту сторону чувственного мира явлений, а значит, и по ту сторону рождения и смерти.

Считая себя всего лишь органическим существом в естественнонаучном смысле, я познаю в себе преходящее. Оно заключено в рамки между рождением (или же зачатием) и смертью. Но, считая себя существом, восприимчивым к нравственным импульсам и поступающим нравственно, я одновременно познаю в себе вечное.

Я принадлежу двум мирам. По первый взгляд их законы кажутся человеку взаимопротиворечивыми. Закон природы борется во мне с нравственным законом духовного мира. Не емь ли я олицетворение борьбы этих миров? А потому одновременно и смертный и бессмертный?

Если вопрос "Бессмертен ли я?" исходит от естественного инстинкта самосохранения, присущего и животному, то ответом на него будет "нет". Прежде ко мне должно пробудиться Я, которому дано поспать свое бессмертие. Оно живет не в той сфере, где по мне царит тварный страх. Там оно всего лишь спит, даже задыхается. Способность по праву осознать свое "бессмертие" - это вопрос внутреннего пробуждения.

О ВСТУПЛЕНИИ В ЦАРСТВО УМЕРШИХ

Бессмертие по просто дано человеку, оно задано ему, как задается задача.

Что человеческая душа может вырвать у смерти, лишившись своего тела? Сможет ли она после того, как у нее будут отобраны тело и все связанные с ним переживания, вспомнить что-либо о себе самом?

Смерть часто сравнивали со сном, называя его "младшим ее братом". Но ведь можно возразить, что как раз сон-то и лишает нас способности осознавать самих себя. Каждое утро, когда вместе с ощущением тела, с восприятием чувственного мира вновь вспыхивает сознание нашего Я, нам дано изведать чудо возвращения впечатлений минувших дней и даже лет из глубин нашей души. По только благодаря способности вспоминать, как бы перебрасывая через бездну сна трос памяти, связующий сегодняшний опыт со вчерашним и позавчерашним, я всегда ощущаю себя одним и тем же человеком: мое Я вновь и вновь восстанавливает связь с собственным прошлым.

Покинут ли меня эти силы памяти после смерти?

Жить дальше, не помня о том, что ты "один и тот же", не умея связать вечную жизнь с преходящей земной, но есть бессмертие в подлинном смысле слова.

Рассмотрим сущность воспоминания.

Содержание нашей души складывается в первую очередь из всего того, что доносят до нас наши чувства или вызывают в нас наши телесные ощущения. Оно связано с потоком времени, оно приходит и уходит. Только проникая мыслью и не-посредственное переживание, воссоздавая и расвивая его в своем воображении, мы выхватываем часть своих чувственных переживаний из потока времени. Мы способны помнить о них, даже когда предметы и события, вызвавшие данное переживание, давным-давно ушли в прошлое. Роза, которую я воспринимаю и срываю, преходяща. Однако же я в любую минуту могу пробудить в памяти ее форму, аромат и вызванное ею ощущение радости. Вспоминая о ней, я могу оживить мир красоты и чистого восторга, быть может, даже более интенсивно по сравнению с первоначальным переживанием, ибо эта роза становится для меня воплощением нежности, чистой любви и бесконечной отдачи. А в какой степени я на такое способен - вопрос внутреннего богатства, основа всей

творческой внутренней жизни, какой я добился как человек. Это облагораживает меня по сравнению с животным, чья душевная жизнь остается целиком и полностью привязана к непосредственным впечатлениям и физическим склонностям.

Воспоминания "остаются" с нами, даже если годами находятся вне сферы нашего сознания. Какой-либо импульс извне или акт осознанного воспоминания могут вновь пробудить в памяти давно забытое. Детские переживания, тихо дремлющие в глубинах души, с необычайной ясностью всплывают порой в преклонные годы. С трудом удерживая в памяти новые переживания, большинство пожилых людей часто великолепно ориентируется в своих юношеских воспоминаниях. Дело в том, что силы роста и память отчетливо противоположны друг другу и в то же время тесно между собой связаны. Нередко в период наиболее интенсивного роста молодью люди испытывают трудности во всем, что так или иначе предъявляет требования к их памяти. Это указывает на таинственную взаимозависимость между пластическими силами, созидающими и формирующими нашу телесную организацию, и силами воображения и памяти, базирующимися на тончайшей пластической деятельности нашей души. Это те же эфирные формирующие силы", о которых говорит духовная наука Рудольфа Штейнера и которые на первых порах способствуют росту тела, а когда телесность достигает определенного уровня развития, претерпевают изменение. С этого момента они начинают действовать в процессах внутреннего формирования, т.е. вызывают к жизни мыслительные образы.

Известно, что на седьмом году жизни, когда со сменой зубов формирование тела в основном достигает определенного завершения, у нас заметно высвобождаются силы воображения и памяти. Ребенок способен теперь считать, писать, читать. Примерно на четырнадцатом году жизни, когда тело отрока достигает земной зрелости, происходит высвобождение творческих сил фантазии. Молодой человек обретает способность выходить за рамки собственной персоны, т. е. может формировать идеалы, размышлять о целях человечества. Но лишь со смертью наступает полное высвобождение заключенных и организме формирующих сил, заторможенных сил воспоминания. Такие рассуждения приближает нас к пониманию следующего тезиса: смерть есть не угасание сознания, а, напротив, пробуждение к жизни забытых воспоминаний - но всей их глубине и полноте! Духовный опыт свидетельствует, что распаду тела сопутствует интенсивная ретроспектива прошедшей земной жизни. Примерно в течение трех-четырех дней - по истечении именно такого срока обычно начинается распад человеческого тела - продолжается и круговерть образов памяти, которые высвобождаются и предстают перед сознанием по мере того, как формирующие силы отделяются от тела.

Переживания людей, едва не утонувших или оказавшихся в иной смертельной опасности, неизменно подтверждают этот факт: все они описывают, как в памяти молнией вспыхивают картины событий, о которых они в повседневной жизни никогда бы не вспомнили с такой отчетливостью.

Однако это отнюдь не разрешает загадку жизни, выходящей за пределы смерти.

Дело в том, что мир воспоминаний отделяется от души, формирующие силы, не удерживаемые более земным телом, уходят из нее. Воспоминания гаснут, отлетая вдаль, по каким же образом душа находит содержание, позволяющее ей жить в подлинно духовном мире?

Ведь нее душевные силы, развитые нами на земле и направленные в материальный мир: рассудок, стремившийся овладеть земными законами, чувства, целиком отданные миру явлений, инстинкты, исчерпывавшиеся лишь телесными потребностями, - все они после смерти сковывают наше Я. Мы сами выстроили из них училище для своего духа.

Тантал остается узником в мире своих желаний: вода, которая могла бы утолить его жажду, уходит в землю, а когда он тянется к плодам, которые могли бы утолить его голод, порыв ветра относит их в сторону... В его образе древние греки видели привязанную к

земле душу, которой небеса открываться не хотят, ибо она по-прежнему гонится за тенями земных желаний.

Затухающие, но под влиянием желаний и вожделий снова и снова усиливающиеся земные представления образуют стены, мешающие нам заглянуть в иную реальность. Одиночество - вот удел таких душ, они готовят себе собственный "ад". Их судьба - проклятие, которому они предают себя и которое властвует ими до тех пор, пока огонь вожделий по приведет их к очищению и не поможет избавиться от оков желаний.

Мир теней, который греческие мудрецы называли Гадесом, Шеол евреев. Туманный мир, или Хель, германцев - все они указывают на душевные судьбы, ожидающие нас после смерти. В последние столетия перед явлением Христа это представление все больше тяготило сердца тех, кто проникал взором за грань бытия. Чем увереннее человек подчинял себе Землю, чем прочнее укоренялся в этом мире (достаточно вспомнить народы, некогда особенно в этом преуспевшие, - египтян, евреев, греков), тем больше ухудшалось положение в царстве умерших.

Если справедливы слова Гёте: "Счастливы мира обитатель только личностью своей", - то мы становимся самостоятельными существами и добиваемся самости как рал благодарим тем силам земли, что отсекают нас от жизни в горнем мире. Ведь псе, что здесь способно дать нам силу ощутить собственное достоинство: чувственный опыт, умение овладеть обстоятельствами немкой жизни, признание и почет в земном окружении и т.п. - именно это мы со смертью тела должны оставить на земле!

Если человек, заключенный в мрачной темнице, сумеет проделать в стене своей тюрьмы крохотное отверстие и впустит внутрь узенькую полоску света, его одинокая жизнь мгновенно преобразится: быть может, он увидит клочок голубого неба, от которого сердцу станет вольнее, увидит плывущие мимо облака, которые увлекут за собою его фантазию, увидит, как загораются звезды, помогая ему угадать существование высших миров и законов, коим принадлежит вечная его часть. Так он сможет участвовать в бытии мира и научится преодолевать в духе свою темницу.

Нет ли подобных отверстий, чтобы озарить тюрьмы душ умерших?

Если наши воспоминания, наш земной опыт, благодаря которым мы ощущаем свою самость, становятся после смерти тюремными стенами, то мы должны еще в земной жизни стремиться пробить в этих стенах окна в вечность. Ведь после смерти для души благотворны как раз те воспоминания, которые еще в земном бытии позволили ей изведать впечатления горнего мира. В этих переживаниях сквозь чувственный мир начинало проникать сверхчувственное, так что уже в царстве брэнного нам довелось ощутить дыхание вечного духа.

Затем и сошел Христос в земной мир, чтобы в одеянии чувственно-зримого бытия явить нам откровение бытия сверхчувственно-божественного. "Царство небесное" - бесконечно далекое, от которого, не случись итога, нас бы отделяла бездна, - "приблизилось". Благодаря Ему оно присутствует непосредственно в царстве земном.

Все, что мы в земной жизни узнаём о Христе (о Его вочеловечении, Его смерти и Его победе над смертью), образует в ткани наших воспоминаний места, где прорывается покров, где степы в первую очередь обретают прозрачность. Евангелие сравнительно мало говорит о жизни после смерти. Н? если оно становится частью наших внутренних воззрений и познается сердцем, то помощь его душе в дальнейшей ее судьбе огромна: в ретроспективе жизни Евангелие создает для умершего как бы просветы. В темницу вливается солнечный свет иного мира, пробуждая души от глухоты и узости к высшим истинам

ПРОБУЖДАЮЩИЙ

Смерть есть рождение, но у рождающегося и ином мире поначалу отсутствуют органы для восприятия нового окружения. Человеческое существо вступает в ожидающую его

высшую реальность как бы слепым, глухим и немым. Таким после долгих странствий попадает спящий Одиссей на берега своей родины и не узнаёт ее при пробуждении...

Но как образуется какой-либо орган? Только под влиянием окружающей действительности. Глаз, по словам Гёте, создан светом для света. Духовные глаза также образуются только под воздействием света. Необходимы лучи духовного солнца, чтобы однажды обрести восприятие и в этом мире света.

Поскольку еще в чувственном мире мы знакомимся с Существом, целиком и полностью принадлежащим царству духа, и по-прежнему помним о Нем, пройдя через врата смерти, мы находим живого акушера, который поможет нам родиться в ином царстве. Связь души с Христом на земле закладывает и основы новой жизни в духе. Мы рождаемся там слепыми, но, так как еще на земле повстречались с Ним, "светом миру", у нас в темноте начинают благодаря Ему оживать зачатки духовных глаз. Христос, солнце духовного мира, пробуждает их в нас еще до того, как мы обретаем способность видеть лучистое сияние иного мира. Так Он исцеляет нашу слепоту. Вокруг души занимается день.

Общение души с душой, в взаимодействие духа духом происходит в царстве сверхчувственной жизни только силою любви. Познание, другого через погружение в его сущность, любовный отклик на ее особенности - единственное средство общения в духе. Способность любить преодолевает одиночество в краю духов. Она создает язык, на котором говорят сердца, ухо, которым они слышат друг друга. "Глухонемыми" входим мы в другой мир. Мы не понимаем ни одно существо, стремящееся открыться нам, у нас нет средств поведать о своей одинокой душевной жизни. Только узнав еще на земле в явлении Христа подлинную любовь, открывшуюся в жертвенном деянии: "Слово, ставшее плотню"), - мы находим и в царстве духов Существо, которое приходит нам на помощь и общается с нами еще до того, как мы узнаем язык откровения других духовных существ. Это Существо говорит глухонемому: "Ephala!" - "Открой ухо твое!" Сознание, что Оно понимает тебя, способно пробудить дар речи даже в глубинах души самого что ни на есть одинокого. Христос исцеляет нас, глухонемых, какими мы поневоле являемся в другом мире, пока не созреет до беспредельного общения духов, до жизни в божественном Глаголе.

Только теперь, пробужденные в новом окружении и призванные к безграничному росту от одной ступени к другой, силы свободы сбрасывают в духе все оковы. Прошлое более не тяготит: душа, уже не связанная образами минувшей земной жизни, учится выпрямляться и шагать к новым целям. Тот, кто даровал слепому свет, а глухонемому - речь, теперь взывает к расслабленному: "Встань, возьми постель твою и ходи!"

Умеющий ходить способен преобразовывать: ведь он может перенести минувшее и будущее и тем освободить его. Теперь некогда пережитое уже не тяготит и не сковывает, а начинает приносить плоды познающему. Он учится оценивать свой опыт, свои поступки и страдания в свете вечного. У него происходит "переоценка ценностей". Всякая боль лучится мудростью, давние болезни - внутренним освобождением, преодоленные препятствия - внутренними силами. Напротив, всякое эгоистическое наслаждение, какому он предавался на земле, неизбежно ведет к отсечению от всеобъемлющей жизни. Всякий эгоистический поступок ограничивает и притупляет нашу способность переживать в стране духов. Эгоизм на земле есть самоизоляция в ином мире. В этом и состоит "суд".

Но Христос открывает все тюрьмы в духе, если в душе умершего оживает сила, сроднившаяся с Ним и еще в училище способная почувствовать дуновение внутренней свободы. Он - Пробуждающий.

В Евангелиях вечная история душ описана в земных метафорах. То, что Христос, пребывая на земле, зримо совершал в Палестине с отдельными людьми, Он постоянно и незримо совершает с нами в царстве умерших - исцеляет, освобождает, пробуждает. Если мы находим Его, то благодаря Ему душе открывается один круг за другим. Новые

существа и миры раскрываются пробуждающимся чувствам. По Он есть "дверь", ведущая к ним.

Пройди мы через врата смерти, не сознавая связи со Христом, все силы, что не привязывали нас здесь к телесной природе и свободны от эгоизма, наверное, постепенно подвели бы нас к единению с божественным миром. Ибо все, что дышит чистотой, испытывает сочувствие и проявляет в жизни готовность к самопожертвованию, сродни вечному и неистребимо. Оно соединяет нас с духом.

В дохристианские времена тоже всегда встречались люди, возвращавшиеся в божественный мир, словно капли в океан, из которого они вышли. Но тут-то и возникает глубоко человеческий вопрос: как мне, самостоятельному существу, ставшему па земле личностью, вернуться в мир духа, не утратив при этом моей индивидуальности, моей самости? Как сохранить непрерывность моего сознания?

Это возможно, лишь если мне удастся непосредственно унести с собою в иной мир багаж земных переживаний. Там я поневоле научусь освобождаться от моих земных ощущений, моего опыта и воспоминаний в том виде, в каком поначалу несу их в себе. Ведь они мешают мне проникнуть в божественную жизнь, застыт мне взор. Однако же все что я узнал на земле о Христе и пропустил через мое сердце, остается неизменным. Для меня это как бы пить сознания, которая не порвется, которая ведет меня как существо, обладающее собственным Я, способное помнить о себе самом, от одного бытия к другому.

В духе мы побеждаем смерть, если умираем во Христе; недаром старинное изречение розенкрейцеров гласит: "In Christo morimur" - "Во Христе умираем".

ПОРОГ СМЕРТИ

Смерть - глубочайшая реальность всего земного бытия. Всему, что у нас на глазах возникает здесь, изначально суждено умереть. Все отмечено смертью; на многих участках, ожидающих нас, смерть единственная не подлежит сомнению. И тем не менее во всех природных существах, в том числе и в человеке, живет инстинкт, повелевающий закрывать глаза на этот единственно надежный факт и обосновываться на Земле будто на века.

Отношение народов в разные эпохи к загадке смерти многое говорит об их общем развитии. Там, где ценность отдельной личности в земном ее проявлении еще не ощущалась во всей глубине, тайну смерти окутывали иносказательными образами. Известно, к примеру, что древние греки изображали ее на могильных плитах в виде прекрасного юноши, опускающего факел. Им виделся гений человеческой души, который зажигает и гасит факел жизни. Это ангел смерти, по он же отворил нам и врата рождению, вечно юный, властвующий становлением и гибелью, бессмертный.

Сколь реалистичен по сравнению с этим образ скелета с косою, возникший на Западе и сопровождающий нас от средневековья до порога нового времени! "Пляски смерти" Ганса Гольбейна - наиболее знаменитые воплощения этого образа. Чувствуешь, как смерть отныне стремится стать постоянным спутником жизни человека. Как она непрестанно трудится над нами, втихомолку подтачивает и разрушает, выжидая, когда можно будет вынырнуть из нас и посмотреть нам в глаза: "Будь готов!"

Почему нам должно умереть? Невозможно отыскать ответ на этот вопрос, видя в смерти лишь внезапное и неизбежное событие, темный единичный факт. В действительности, если внимательнее взглянуть на наш организм, то станет ясно, что процессы умирания идут в нас непрерывно. Любое чувственное восприятие - цвет, который мы видим, тактильные ощущения, посредством которых мы узнаем об окружающих предметах, - основано на тончайших процессах разрушения, протекающих в нервных окончаниях. Но там, где жизнь сгорает, где тормозится процессы роста, вспыхивает сознание. И напротив, там, где преобладают жизненные процессы, сознание спит. К примеру, чем выше уровень организации нервной системы животного, тем более

ограничены у него возможности роста и регенеративная способность. Но сие, когда преобладают процессы восстановления и исцеления, сознательное переживание пропадает. Сон каждую ночь восстанавливает все поврежденное и израсходованное за день жизнью наших чувств, однако постоянно остается какая-то часть, которая восстановлению не поддается. Мельчайшие разрушения, остающиеся невосполненными, мало-помалу накапливаются, иначе говоря, мы стареем. Это и есть начало естественной смерти.

Таков краткий очерк вопроса с естественнонаучной точки зрения. Но его можно углубить посредством внутреннего переживания, довести до духовного восприятия, и тогда мы увидим, что всякое бодрствование рождается из смерти. При таком духовном подходе смерть поистине станет для нас Отцом, которому мы, люди, обязаны своим Я-сознанием. В смысле духовной науки Рудольфа Штейнера это сверхчувственное понимание смерти подтверждается во всех сферах жизни и одновременно представляет собою глубокую христианскую истину. Когда перед мученической смертью Христа ученики Его спрашивают, куда Он идет, Он отвечает лишь: "К Отцу Моему".

Если смотреть на смерть глазами Христа, то она - подлинная жизненная основа нашего Я. Она есть "Отец" и потому утрачивает всю непостижимость, все втайне пугающее, что с нею связано. Прощальные речи Христа, обращенные к ученикам и записанные в Иоанновом Евангелии, могут служить высокой школой, которая учит нас встрече со смертью в духе и в реальности. Эти речи указывают "путь к Отцу".

Вот почему в таинстве, совершаемом над умирающим в Общине христиан, этим прощальным словам уделяется особое внимание. У постели больного торжественно зачитывают несколько стихов из молитвы за оставляемых учеников, представляющей собою кульминацию прощальных речей Христа. Эти стихи предваряют "соборование".

Первохристиане называли день смерти мученика днем его рождения - "dies natalis". Этот, а не земной день рождения отмечался в память о святом. В наши дни очень популярно составлять гороскопы на час рождения человека. Но, по сути, они не учитывают собственно человеческое, относящееся именно к сфере свободы и способное превозмочь влияние звезд. Куда больше могла бы поведать конstellляция, сложившаяся в годину смерти человека. Такой "гороскоп рождения" мог бы сказать много больше; правда, для: этого необходимо уметь достаточно духовно истолковывать звездные конstellляции. Он возвещает нам о дорогах, какие умершему суждено пройти в духе, говорит, какие звезды первыми откроют ему свои врата и примут его наиболее благосклонно, с какими небесными силами ему отныне суждено взаимодействовать.

Для умершего, просматривающего в обратном порядке всю свою жизнь, миг смерти есть самое реальное переживание из всех выпавших ему на земле. От этого мига исходит реальная сила, питающая его высшее сознание и вновь зажигающая его Я в духе не только в первые дни после смерти, но и дальнейшем.

Потому-то для нашей будущей жизни в царстве духов бесконечно важно, как мы умираем. Ведь прохождение через смерть и одерживаемая в ней духовная победа над материей отличает нас от всех прочих существ, в сообщество которых мы вступаем по ту сторону. Ангелы и архангелы, существа духовных иерархий, конечно, знают жизнь во всей ее священной полноте, но не знают смерти. Вот почему им неведомо и полное отчуждение от духа. Отделенность от божественной жизни, которая как раз и порождает для нас свободу, не есть удел духовных существ".

Лишь смертный мир материн способствует пробуждению Я к полной самостоятельности. Вот зачем Христос сошел с духовных высот - чтобы познать здесь земную смерть. Он - единственное из существа божественных миров, всецело разделившее судьбу земного человека и теперь шествующее впереди всех я духу как свободное Я. По-этому только Он, и в принципе никакое другое существо на горних мирах, способен стать нашим помощником и посредником у врат смерти.

Его сила может осиять нашу смерть высшей святостью. Свет, исходящий от Голгофы, озарит наш смертный час. Вот почему - с тех пор как появились христианские священнослужители - существует и таинство смерти. Через него Христос стремится протянуть руку помощи душе, которая готовится ступить на путь к Отцу. Исповедь, святое причастие и соборование - вот три священнодействия, составляющие предсмертный обряд в Общине христиан согласно обновленному христианскому культу.

Опираясь на вечное содержание христианских традиции, в остальном они, однако, совершенно по-новому трактуют священные деяния с позиции понимания человека в свете обновленного Христова откровения.

Что для нас, людей современных, может означать исповедь как таинство? Если смерть действительно величайшая истина всего земного бытия, то у ее порога душе, стремящейся избавиться от всех обманчивых иллюзий, подобает увидеть собственную жизнь в истинном свете. Ведь вскоре наши дела, наши жизненные пути и цели предстанут перед горным миром без прикрас, такими, каковы они есть. Любая иллюзии, которой мы стремились укрыть здесь свои поступки, чтобы добиться почестей или избежать некой критики, спадает с них. Слона и мысли, какими мы - часто и сами перед собой - любили маскировать истинный облик своих поступков, там не действуют. Этот переход может стать для души сильнейшим потрясением. Твердая почва, на которой мы стояли, будучи земными людьми, с утратой тела уходит у нас из-под ног. Единственной нашей опорой в духовных мирах станет переживание истины. Свет истины, властвующий общением духов, связующий души чистым доверием и откровенностью, создает твердую опору для нашего духа; на ней он стоит и по ней двигается дальше. Ощущение утраты этой почвы вызывает там "головокружение". Лишь тот, кто искренен и прям, может там в самом деле "выпрямиться". Подобно тому как у пас в атмосфере неискренности появляется ощущение зыбкости, так ложь и обман вызывают у умершего настоящее "головокружение", потому что он рискует провалиться в бездну.

Искренность, попытка наладить испорченные взаимоотношения с другими людьми и определенно своих глубочайших жизненных убеждений перед смертью - в свете священного деяний - все это дает расстающемуся с землей человеку силы, помогающие переступить порог смерти со всей прямоотой, распрямленным в духе. Таким образом в духе он обретает твердую опору. Для этого, конечно же незачем по давнему обычаю приводить описок своих грехов. Благословение, каким священник завершает беседу у постели больного, звучит как возвешение мира. Оно направляет взор души к божественной и человеческой любви.

Далее следует принятие тела и крови Господней. В ходе таинства умирающий еще раз приемлет земную пищу, из коей создавалось все наше телесное бытие. Сколь священна любая земная пища, если под покровом земного мы проводим жизнь духа, божественного существа, принесенного в жертву земле! В хлебе и вине мы еще раз созерцаем смысл земного, материю, преображающуюся в дух. Благодаря Христу, чье присутствие ощущается нами во всем земном бытии, но проходят бесследно и наши земные дела, как светлые, так и томные. Одни могут продолжать свое воздействие на благо человечеству, принося плоды в его делах; другие позволяют нам почувствовать, что Христос взял их на Себя и Своею жертвой обратит их в добро. Знать это, оглядываясь на собственные земные дела и заблуждения, - означает обрести "мир". И: это "примирение с миром" благотворно скажется на той интенсивной ретроспективе жизни, какую нам предстоит совершить и переработать, когда мы покинем свою телесную оболочку.

Душа, которой через причастие дозволено изведать присутствие Христа во всем земном бытии и увидеть в Нем того, кто берет на Себя и исправляет ее земные проступки, обретает важную и прочную отправную точку, с которой начинается ее посмертный путь. Ведь у нее формируется совершенно иное отношение к тем образам воспоминаний земной судьбы, канву которых она начинает переплетать, нежели у личности, мнящей, будто на

земле правит лишь случай, и полагающей, что после смерти все ее промахи по-прежнему действуют в потоке времен, вызывая бедственные последствия.

За причастием следует "соборование". Начинается оно торжественным чтением стихов прощальной молитвы, в которой Христос просит за Своих учеников. Возвращающийся к Отцу Учитель, Сам уже убежденный в бессмертной жизни, просит, чтобы она сообщилась и тем, что связали себя с Ним: "Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне..."

Завершив последнюю молитву, Христос вышел со Своими учениками в ночь - в Гефсиманский сад, к Масличной горе. По прочтении этих слов священник совершает у постели больного соборование. Он ведет душу, оспаривающую победу в схватке с силами смерти, к ее собственной "Масличной горе". Освященным елеем он чертит крест над глазами и в середине лба больного. Три креста высятся на лобном месте. Священнейшая мистерия Голгофы сияет на лбу человека.

Какою чистотою линии, свидетельствующей о силе духа, формирующей материю, приветствует нас лик умершего после мирной кончины! С него стирается все, что затмевало дух и затуманивало его земным... Порой, когда бывает возможно подойти к смертному одру неоднократно, в последующие дни наблюдаешь усиление этого выражения спокойной победы. Я не знаю в чувственном мире ничего, что яснее и выразительнее возвещало бы о действии духа в материи, о его триумфе над недуховным. Лик умершего может стать посланном духовной реальности - глаголющим в молчании.

Там, где материя жаждет вернуться в пристанище духа, она становится горючим материалом. Сгорая, она дает пламени силу свечения. В образовании масел мы, пожалуй, наиболее отчетливо видим это стремление природы вернуть материю к свету. Под воздействием солнечного света цветок вырабатывает топкие эфирные масла, которые благоухают и улетучиваются. Масличное дерево накапливает такие вещества, начинающие при воспламенении светиться, в своих плодах.

Ведь природа подает человеку пример в метафорах. Понимая смысл своего немногого пути, он сам целиком должен стать горючим материалом для духовного света, которым стремится вспыхнуть в нем и однажды поглотит его. "Chrisma" - так первохристиане называли елеопомазание. Помазанный же назывался "Christos", а это человек, способный пожертвовать все земное божественному свету, способный "выработать в себе масло". Когда душа слышит шорох крыльев ангела смерти, ей должно быть готовой стать "Christos". Задача смерти - "пронизать Христом" нашу человеческую природу.

Однако под угрозой смерти можно принять елеосвящение, вовсе не имея уверенности в том, что земная жизнь подходит к концу. Готовиться переступить порог смерти еще по означает отказа от надежды на выздоровление.

Ни сам человек, ни те, кто ухаживает за ним и любит его, никогда не должны сдаваться в борьбе с силами смерти. Но следует, к примеру, сокращать болезнь с помощью так называемых "гуманных" средств, дабы избавить больного от борьбы с болью и силами смерти. Задача человека - на земле единоборствовать со смертью, шаг за шагом избавляться от ее власти. Не цепляться боязливо за земной мир, жаждая жизни, но до последней минуты надеяться и отвоевывать у смерти волю к жизни. Таким образом, человеческое Я способно еще на смертном одре обрести силы воскресения, которые после смерти превращаются в духовный свет, озаряющий душу окрестности. Стойко перенесенная боль оборачивается красотой и духовной гармонией, каковые сообщаются грядущему облику умершего. Вера в жизнь, отвоеванная у гибнущего тела, - если она в смерти сумела победить тварный страх - становится полётной силой духа. На будущее она сообщает душе очарование вечной юности.

В наше время медики часто стараются заглушить боль телесного распада с помощью наркотических средств, чтобы больной миновал порог смерти как бы в забытии. Подобные меры могут лишить душу самых благородных переживаний, обладающих неизмеримой ценностью в том ином бытии. С чисто медицинской точки зрения применение таких

усыпляющих средств оправданно лишь в определенных случаях: если сон помогает больному набраться новых сил, необходимых для борьбы за выздоровление, для борьбы с силами смерти. Врачи и медицинский персонал всегда несут огромную ответственность, связанную с тем, как опекаемый ими больной встретит свой смертный час.

Из иного мира мгновение смерти видится "совершеннейшим, блаженнейшим событием" - так сказал однажды Рудольф Штейнер, характеризуя умирание на основе своих духовных исследований. На все, что он говорил о смерти, изливался свет Голгофы. Оттого-то знание смерти может стать для нас в жизни высочайшим утешением. Ибо миг освобождения человеческого духа от тела остается перед его внутренним взором и действует, меж тем как он начинает восхождение к сверхчувственным мирам.

ПРОВОДЫ В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

После ухода дорогого нам человека пат долг и внутренняя потребность - "проводить, его в последний путь". Но кто в наше время, участвуя в похоронах, осознает, что провожает на порог не тленную оболочку, а саму возлюбленную душу? Что это деяние позволяет ему, провожающему, шагнуть вместе с этой душой из преходящего в вечное?

Собственно, подлинное поминовение предполагает в нас стремление преодолеть земные границы вместе с умершим - пусть ненадолго - во внутреннем переживании и таким образом мысленно предугадать путь через высшие сферы. Нынешние надгробные речи зачастую суть лишь попытки утешить близких усопшего. В одних приводятся жалкие доводы бессмертия души, в других выдвигаются утверждения о вечности нашего бытия, за которые жадно цепляются нерешительные умы. Однако уверенней всего наш дух находит доступ к высшим формам бытия, когда действует и поднимается к ним вместе с умершим. Он сполна воспринимает иные круги жизни, лишь если пытается соединиться с ними. Ведь религия - это не теория, а дело. Подлинное, одухотворенное поминовение способно раскрыть перед близкими усопшего новую сферу обязанностей - они угадывают возможности любовной заботы. Тем самым горюющий взор изначально отвлекается от всякого оценивающего эгоизма. Мучительная внутренняя пустота заполняется новым содержанием, пугающее одиночество преодолевается благодаря новой ориентации ощущений. И все же пока остается без ответа коренной вопрос: что я могу сделать для ушедшей души? Чем я отныне могу быть для нее в ее странствиях?

Так мы отправляемся с нею в сферу "душевного упокоения", провожаем дух умершего к "свету духовного мира".

Такими аккордами начинается культовое празднество в духе обновленного христианского "деяния". Некогда по завершении душой земного странствия для нее спрашивали "respiem aeternari" - вечный покой. Этот настрой, которым веет от традиционного христианства, необходимо в корне преодолеть христианству, признающему принцип вечно деятельного и изменчивого. Душе, которой предстоит пройти очищению в мире душ и испытания в духовном свете, необходимы, конечно, силы покоя, священного мира. Но ей не нужен "вечный покой", о котором твердят надгробные речи и надписи на многочисленных памятниках. Ныне уже нельзя отрицать закон развития, он должен сказываться на формировании представлений. Ступени становления, а не остановка и блаженное парение должны являться перед внутренним взором, когда речь заходит о жизни в духе.

Теперь, когда силы души, освобожденные от всех телесных оков, от всех земных потребностей, могут излиться в неоглядные дали, она пускается в своего рода мореплавание. В ней пробуждается осознание бесчисленных возможностей, упущенных и жизни, несбывшееся и незамеченные при жизни желания наминают властно заявлять о себе. Душе предстоят ураганы, когда из нее будет высвобождаться то, что до сих пор притуплялось земными рамками и заглушалось телесностью. Однако покой, глубочайший штиль ее плавание обретет, лишь когда на ее кораблик взойдет Тот, кто способен

повелевать ветрами и упрощать волны. Она должна найти Властелина бурь, призвать Его, как однажды сделали ученики во время своего плавания.

Когда душа становится зеркально чистой и умиротворенной, в ней - подобно звездам в озерной глади - начинают отражаться небесные миры света. Она вся превращается в око, распахнутое навстречу откровениям мира.

Дух начинает восхождение к вершине, ему должно научиться подъему, ступень за ступенью. Все более и более чистые снежные пики зовут его, все более и более широкие панорамы бытия открываются взору. Однако чем просторное и глубже распахиваются космические горизонты перед отрешенным от земного взором умершего, тем в большее замешательство его повергает загадочным лик глубин, чье многообразие для духа мучительно и подавляюще. Тогда им овладевает тоска по ясному свету, проливающимся па все сущее, постоянно высвечивающему единство в сложном жизненном многообразии. Перед тем, кто видит сияние солнечного лика на горной вершине, рассеются все туманы, окутывавшие окрестный ландшафт.

Это дух Христа, некогда усмиривший бурное море и воссиявший светом на горе. Так после смерти для нас шаг за шагом сбываются Евангелия, как некогда на земле они сбылись для учеников в Палестине. Однако если собравшиеся переживают вместе с душою, восходящей ввысь, переход из бренного в вечное в духе Евангелия, такие проводы дают душе поддержку. Любовь живых, устремленная к духу, сообщает умершему силу, благодаря которой он научится ходить по волнам бурного моря вместе со Христом, преобразится вместе с ним и сияющим свете на горной вершине страны духов.

Христианское погребальное празднество, реально помогающее душе, "адекватное" божественной реальности действие должно строиться в первую очередь на сознании, что наши дремлющие духовные силы стремятся к постепенному раскрытию в божественном мире. Поэтому оно должно быть молитвенным действием, в котором мы, руководимые животельной силой любви - по любви мудрой, - пытаемся приблизиться к умершему, дабы у него, когда он с удивлением пробудится в новом окружении, исподволь раскрылись очи души. Подобно тому как дождь проникает в землю и пробуждает к жизни молодые ростки из увядших семенных оболочек, так ищущая роста душа умершего вбирает в себя "живительную влагу" (по выражению, встречающемуся в культе), она струится к нему из источников, питаемых теплыми, окрыленными мыслями скорбящих - мыслями о вечном. События, происходящие с душой, становятся как бы природными процессами высшего порядка. Ведь культовое действие должно наглядно показать, что происходит в ином мире с незримыми мыслями и ощущениями, которые мы посылаем ввысь, - вот почему, произнося эти слова, священник окропляет гроб святою водой.

Нет ли в том, что отражается в таком действе, сходства с крещением?

На земле мы сопровождаем природное рождение духовным действием - крещением, освящающим начало жизненного пути нового гражданина земли, - и можно предполагать, что в царство духов также существует свой "приемным культ", как однажды назвал это Рудольф Штейнер. Человеческая душа переживает не только смерть как природное событие. Ее "ожидают". И ожидающие устраивают ей там торжественный прием. Ведь "является на свет" новый гражданин мира. Фихте сумел найти для итога события емкие слова. "Пока мы здесь скорбим об умершем. - говорит он в своем "Назначении человека", - там радуются рождению человека в их мире, так же, как мы, граждане Земли, радостью встречаем своих. Когда я в свой час последую за ними, для меня будет одна только радость, ибо печаль останется в той сфере, которую я покину". Через три-четыре дня после земной смерти - когда образы ретроспективы жизни расстанутся с душою - обычно достигается срок, когда она впадает в глубокую бессознательность, из которой он должно пробудиться заново. Душе потребно новое содержание, тогда сознание сможет снова ожить. Ее необходимо как бы назвать по имени, "вечному имени", какое подобает ей в духе. Существа горнего мира приближаются к ней, дабы стать восприимчивыми. В дивных образах, неповторимо вдохновенными словами изображает Гёте эту помощь ангольских

сущств, когда бессмертная часть Фауста, вырванная у сил тьмы, возносится ввысь блаженными хорами.

Правильный ритуал погребения должен быть - хотя бы и слабым - отражением этого духовного "приемного культа", подхваченным в образе и звуке земным: эхом того, что происходит вокруг души умершего в горних сферах.

Высочайшей серьезности погребальная церемония достигает на переходе к мысли о "суде". В этот миг священник возжигает жертвенный ладан. Ведь на мгновение души присутствующих должны вознестись на ту высоту, какая открывается лишь сжигающему свою земную сущность. Душа должна побороть гнетущую тьму, еще по сброшенную после земного странствия и мешающую ей воспарить во всей чистоте. Там, где вершится сожжение, поднимается дым. По сути, в любой истинной молитве кроется такой процесс сожжения. Молящийся всякий раз вырывает толику своих душевных сил из-под земного бремени, перерастая в очистительном огне свои земные оковы. Он побеждает часть своей вожделяющей природы, дышит в более свободной атмосфере, пусть всего лишь короткие мгновения. Но именно отсюда идет ощущение полноты власти, пронизывающее душу всякий раз, когда она совершает подлинно возвышенную молитву. "Смерть, - говорит Новалис, - есть победа над собой, которая, как и любое самопреодоление обеспечивает новое, более легкое существование". К этому можно добавить: сколько "самопреодоления" достигает душа в молитве или ином жертвенном деянии, столько же в нем и "воскресения". Молящийся живет в одном мире с умершим, хотя его духовные органы чувств пока окутаны пеленой. В поднимающемся ввысь облаке кадильного дыма молящаяся душа способна узреть отражение внутреннего процесса. Курение ладана во время погребальной церемонии есть образ очистительного огня, занимающегося и душе, которая теперь - пережив "рождение" в духе - стремится мало-помалу избавиться от земных оков. В облаке дыма над гробом уходит ввысь судьбоносный призыв, какого не избежит ни один человек, коль скоро он пожелает истребить в себе свое лучшее Я. Этот призыв напоминает, что мы в ответе за каждую мысль, каждое слово, каждый поступок, ибо они имеют для мира непреходящее значение, принося пользу или причиняя вред. Созерцать сей факт во всей его неприкрытости - такова суровая судьба, навстречу коей идет душа умершего. Однако, не будь у нее возможности обратить свой взор ко Христу, увиденное стало бы для нее уничтожающим приговором. Христос помогает ей проникнуться волей к искуплению и всеобъемлющей любовью, возжигающей обязанность участвовать в возрождении оскверненного Божия творения.

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБЕНИИ

В связи с этим может возникнуть вопрос о надлежащем погребении умершего.

Здесь тоже действует закон развития. У народов, которые исповедовали религии света, принято было совершать сожжение. Среди почестей, какие воздавали умершим, например, древние греки и германцы, сожжение тела на костре играло очень важную роль. Полное разрушение телесности огнем быстро освобождает душу от всяческих пристрастий, которые продолжают притягивать ее к покинутому телу, процесс ее одухотворения протекает скорее. Напротив, бальзамирование тела, практиковавшееся древними египтянами и перенятое у них еврейским народом, довольно долго поддерживало легкую связь души с телом. Не этой причине умерший должен был несколько времени испытывать тягу к земле. Таким образом, он мог достаточно интенсивно участвовать в земных событиях, связанных с его прежним окружением, его семьей и народом., Это должно было укреплять его Я-сознание после смерти, но в то же время такая сильная связь с земным телом весьма часто затемняла ему высшие духовные сферы.

Первохристианство заимствовало погребение в земле из ветхозаветного жизненного уклада. Из римской традиции - а Рим находился под сильным влиянием Египта -

добавилось почитание могил и реликвий. Достаточно вспомнить о катакомбах, которые считались местами почетного захоронения. Под землей возникли целые города из могил.

В представлении христиан тело не только "темница души", но и святыня, и мы призваны отвоевывать у жизни в земной материи более высокую форму бытия. Христос добровольно избрал земное тело, чтобы в нем победить смерть и тем самым перенести жизнь в вечность. Поэтому первохристиане с огромным благоговением смотрели на тело, где жил благородный дух, пронесший до самой смерти весть о Христе, о победе над всем недуховным. Они чувствовали, что даже в мощах святых действуют одухотворяющие силы, что извлекают из материи свет.

Долгое время после смерти таких людей, возжегших в своем теле силы воскресения, они ощущали тонкое излучение их останков. Так возникло почитание реликвии. Зерно истины в подобных религиозных обычаях заслуживает глубокого понимания, хотя вовсе незачем оправдывать заблуждения и недуховные представления, постепенно развившиеся вокруг почитания реликвии.

В наше время, когда духовная жизнь в человеке вновь значительно больше жаждет освободиться от тела, вопрос погребения не слишком существен. Судя по всему, кремации означает для души, желающей узреть высший духовный мир, более скорое избавление от цепящих земных сил. Поэтому люди вполне справедливо прибегают к ней в наши дни все чаще. С точки зрения посмертной жизни можно приветствовать все, что помогает душе быстрее выбраться из чувственной мглы. Ведь отупляющие силы земного мира приобрели ныне чрезмерную власть. Они мешают душе пробудиться в духе, отдавая ее на откуп силам, заставляющим ее служить себе и желающим использовать силы умерших в темных земных целях. Призрак Древнего Египта словно бродит по нашему времени, жаждая мумифицировать все живое. Как часто видишь сегодня великолепно "законсервированные" телесные оболочки, в которых живет лишь тень души.

Могила, к которой слетаются проникнутые любовью ощущения и просветленные духом мысли, способна стать для души умершего светлой точкой, к коей она охотно обращает духовный взор. Быть может, такое умиротворенное место обеспечит души, живущие здесь и там, благою возможностью соприкоснуться друг с другом и обмениваться мыслями. Однако с этим нельзя связывать никаких ограничений, в том числе и для близких на земле. Любое чувство и привычка, слишком сильно сковывающие умершего или удерживающие его в привычном кругу, либо парализуют его дальнейшее развитие, либо приводят к тому, что он все больше от нас отдаляется. С тех пор как Христос соединил Себя с земным бытием, душа уже по привязана накрепко к тому или иному месту. Умерший стремится - силою Самого Христа - объять своим духовным видением всю Землю. Для дальнейшей судьбы ему чрезвычайно важно сохранить глубочайший интерес к нашей планете. Постичь Землю как единое целое - насущная потребность умерших. Мы поможем удовлетворить ее, если будем чаще жить мыслями о великих целях Земли, о ее развитии в Космосе и о том центральном месте, какое она занимает в событии Христа на Голгофе. Такие мысли, проникнутые благоговением и любовью, становятся источниками света, которого жаждут души усопших. Ведь они не могут видеть сияния Земли, не считая одновременно Голгофу смыслом и поворотным пунктом всей земной истории. Иначе Земля будет сокрыта от их взоров завесой тьмы. Сообщи́м нашему времени взгляд на Христа, раскрывающий космическое значение голгофской жертвы (решающее не только для человеческих душ, но и для Земли и звездных миров), Рудольф Штейнер подарил мысли и пробудил ощущения, способные оказать огромную и важную помощь в жизни после смерти. Такие мысли о Христе теснейшим образом связывают умершего с человечеством. Землей и звездными сферами. Он пробуждается "гражданином мира" в духе. Он скорее и решительнее учится пробивать стены своей темницы, воздвигнутые им из собственной ограниченности. Очищение, в котором сгорают все земные привязанности, становится для него освобождением, ростом от одной ступени мирового бытия к другой.

КУЛЬТОВАЯ ОБЩНОСТЬ С УМЕРШИМИ

Церковь Христова есть "общность живых и умерших". В нее входят не только пребывающие в земном теле. Вот почему ее невозможно ограничить каким-либо земным институтом. Ведь она - общность с Самим Воскресшим. И коль скоро в человеческой душе действуют силы воскресения - пусть даже пока в скрытой форме, в зачатке, - она уже причастна к истинной церкви. Оттого-то истинно христианским богослужением может быть лишь действие, способное возносить в мир воскресения. Такая сила присуща таинству освящения человека - средоточию литургической жизни Общины христиан.

Можно научиться видеть и ощущать в нем, во всех элементах его структуры, заново рожденную мессу в духе Воскресшего. Первохристианские общины ощущали и культовых празднествах, особенно в святом причастии, присутствие Самого воскресшего Господа. А вместе с Ним - апостолов и мучеников, в благословляющем жесте склонявшихся к алтарям верующих в момент дароприношения. Поньше их ежедневно призывают в важные мгновения католического таинства пресуществления. Подлинно плодотворное культовое действие всегда строится так, чтобы вызывать у его участников помыслы, потоки чувств, каковые могут переживать и умершие, только с большей чистотой и силой, нежели пребывающие в земном теле. Из произносимых слов, ощущаемых ритмом, совершаемых и созерцаемых символических действий возникает мост, где могут встретиться и приветствовать друг друга души с этой и с той стороны. Выстраивать священнодействия - значит возводить мосты. Через "поток Леты", из которого душа не забвение, чувствуя, как гаснут образы ретроспективы жизни, дугою перекидывается мост, связующий миры.

Итак, в этом смысле таинство освящения человека есть всегда культ умерших, что отражается и на важнейших ступенях этого многоэтапного действия, например, когда моление стремится подняться до мощи пресуществления, когда оно возносит земные субстанции - хлеб и вино - к духу, пресуществляя их. Тогда священнодействие призывает на землю защитительную силу тех, "кто предшествовал нам, оживляя в себе Христа". На привычном литургическом языке это - "святые". Однако здесь апеллируют не к их рангу или некому качеству, здесь важен сокровеннейший процесс, характерная для них деятельность. Именно в этой деятельности, а не только во временном смысле они суть "предшествующие". Всякий подлинно нравственный поступок открывает новую дорогу, всякий воплощенный в жизнь идеал впредь облегчает другим его достижение. Всякое действие, исполненное духа Христова, создает атмосферу, укрепляющую добро и повышающую его действенность в земной сфере. Питая подлинно христианские мысли, совершая истинно одухотворенные поступки, мы призываем благородных умерших, отворяем им врата к земным деяниям.

После смерти душа лишь исподволь начинает пробуждаться к участию в этой высшей жизненной общности. Ей должно учиться воспринимать свое окружение, внедряться в него:

... хором окруженный.
 Не узнает себя он сам.
 Не чует жизни обновленной.
 Но стал уже подобен нам.
 Все узы, все земного мира
 Покровы он уже сложил
 И вот, в одежде из эфира.
 Исполнен снова юных сил*.

/* И. В. Гете. Фауст. Перевод П. Холодковского./

Таковыми стихами Гёте описывает пробуждение Фауста в высях мира духов. Это "причастие" в высочайшем смысле слова, срастание и единение с божественной

реальностью. Для умершего чрезвычайно важно "узнать себя" в новых жизненных обстоятельствах. В ходе таинства освящения человека как раз и происходит пробуждение и развитие органов, помогающих "узнать себя" в новом окружении. Поэтому душе в сфере духов столь важно участвовать в таинстве освящения, соединить себя с ним.

Вот почему вполне оправданны особые "заупокойные службы", хотя умершие присутствуют среди прихожан во время каждого таинства пресуществления. Только вот с позиций подлинно христианского мышления следует отказаться от понятия "добрые дела", сложившегося в церковной традиции. Важны не дела, якобы уменьшающие срок наказания, а переживания пробуждения, испытываемые душой. Задача таких служб по вымаливанию "отпущения", они должны укреплять душу и обеспечивать ее надлежащую пищу на пути к очищению, если, конечно, она желает принять оное. Именно такого смысла исполнен в Общине христиан обряд освящения. Обычно он проводится в первое субботнее утро после погребения. В христианском смысле, можно в каждой неделе видеть отражение Страстной недели. И тогда суббота - это день пребывания Христа во гробе. И во гроб должен упасть первый луч Пасхального утра. Вот почему при этом обряде мы всегда читаем для умерших отрывок из Евангелия, повествующий о событиях Пасхального воскресенья: как ранним утром три женщины приходят ко гробу и видят, что камень от него отвален. Они слышат голос юноши в белых одеждах, который пытается увести их душевный взор от пустого гроба к воскресению Христову.

Такую службу можно проводить для определенного умершего и много лет спустя. Ведь в ней живут силы пробуждения, способные возносить душу к все более и более высоким кругам бытия - в зависимости от степени ее восприимчивости. Если умерший в своем странствии желает идти вперед, он испытывает новые и новые переживания пробуждения. И должен созреть для них.

ВОСХОЖДЕНИЕ ДУШИ К БОГУ

Понимание судеб, ожидающих души умерших, будет тем глубже, чем лучше сформировано наше представление о "преэзистенции" (существовании до рождения). Прежде всего нужно постигнуть понятие "нерожденности" - антипода бессмертия, как говорил Рудольф Штейнер. Первохристианам это представление было хорошо знакомо; так, в учении великого богослова Оригена еще рассматривалось выпадение души из духовного мира.

Пока в христианстве еще сверкали искры Платоновой мудрости, понимание подобных идей было всеобщим. Лишь впоследствии на Вселенских соборах это учение резко осудили как ересь. А оттого происхождение человека все больше окутывал мрак неизвестности. Поле зрения сузилось, светлось лишь к земному, к человеку "первородного греха". Ныне, в эпоху материализма, на этой основе развилось понятие "наследственной предрасположенности", стремление объяснять как душевные, так и телесные свойства человека исходя только из наследственности. По, по сути, сомнения в жизни после смерти неизбежно возрастают, если нет жизни до рождения. Ведь одностороннее акцептирование наследственности превращает человека просто в одно из звеньев цепи поколений, он возникает и умирает как единичный экземпляр своего вида, подобно животному, не обладающему бессмертием. О судьбе животных отметим здесь лишь следующее: после смерти их формирующие силы также претерпевают растворение, а темные инстинкты очищение. Однако, не обладая способностью формировать воспоминания в строгом смысле слова и оценивать свои поступки и инстинкты с нравственной точки зрения, они никогда не достигают личного бессмертия. Ибо сознание духовной индивидуальности зависит как раз от этих двух способностей. На их основе строится вечное Я. Ощущения и воления животного после его смерти возвращаются в душу соответствующего вида. И она ими обогащается.

Представление, что индивид продолжает жить лишь в своих детях и в своем народе - или же во всем человечество, - основано на односторонней интерпретации человека как чисто видового существа. Здесь недостает идеи "нерожденности" того вечного зародыша, который в миг зачатия соединяется с зародышем родительским. "Умирая, дух становится человеком. Человек, умирая, становится духом", - гласит одно из изречений Новалиса. В "Песни духов над водами". Гёте возвещает ту же тайну, связанную с нисхождением и восхождением человеческого существа.

Можно представить себе этот процесс становления человека в виде четырех ступеней нисхождению. Будто капля из облака, выпадает священный зародыш Я из лона божественной жизни. Он падает вниз. Он вытолкнут из небесной общности - свершается обособление, а следовательно, "грехопадение". Происходящее из духовных высей должно теперь сродниться с земным - такова втора ступень. Сверхчувственно-духовные силы превращаются в чувственно-телесные, когда вечная индивидуальность соединяется с земным зародышем и растет под покровом тайны. Лишь с рождением, когда с пробуждением сознания тело стремится войти в сферу законов силы тяжести, "падение" в материю завершается. Тем самым достигнута третья ступень, состоящая в отдаче всех сил и ощущений земному бытию. Однако теперь - и это тоже необходимо для полного раскрытия человека на Земле - существо, зачарованное в материи, учится сообщать себя миру. Посредством жестов и речи внутренняя его жизнь развивается вовне. Это четвертая ступень: дух являет себя в материи. Ведь становление человека - всегда посланничество. Мы - вестники меж двумя мирами. И там, где это "воплощение Слова" становится чистейшим откровением - в земном явлении Христа - "оправданно" и грехопадение. Оно преображается в нечто высшее и нейтрализуется.

Человек, осмысливающий свою миссию таким образом - как провозвестие внутреннего царства во внешнем, - возвращается в божественный мир иным, не просто падшим, чье превращение в человека было только "грехопадением". Можно догадываться, что на небесах всякий раз бывает праздник, когда посланец духа возвращается в материю, выполнив эту свою задачу. Возгорается свет "миссии" человечества, ведь это слово происходит от латинского "missa" (жертвенное деяние), и она торжественно справляется в горних мирах.

Исполнив миссию, посланец проходит четыре ступени ввысь, к соединению с божественной жизнью. Эти ступени - противоположность четырех ступеней нисхождения. С последним вздохом человек возвращает духу инструмент своей земной миссии. От него отделяются священные силы речи. "Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине", - говорит Христос Пилату о Своем назначении. Таким смысл всякого вочеловечения. Но кто осуществляет его на деле? Как часто мы используем слово, чтобы скрыть наши мысли? Как часто молчим, когда истине требуется свидетель во мраке мира, когда через наше слово к людям хочет сойти ангел?

Нам должно бороться за очинимте слова, слетающего с наших уст в тот миг, когда, умирая, мы возвращаем дыхание божественной жизни. Только присутствие в нас Христа, который Сам был "Словом", вновь освящает нашу речь. Слово подхватывают ангельские силы: на крыльях сил речи несут они через миры свет в жизнь... Это "Евангелие", действие ангелов, присутствующее в слове. Такова первая ступень восхождения, отраженная в освящении человека (чистой форме "missa"), - соединение восходящей души с ангельскою сферой. Ибо "Евангелие" есть взаимопроникновение сил человеческих и ангельских.

Вторая ступень противоположна процессу, который земной силою тяжести притянул человека вниз. Ведь в смерти формирующие силы отрываются от телесности, устремляясь в дальние дали; душевные силы, прикопанные к чувственной природе, освобождаются от тяжести и воспаряют ввысь. Сердце восстает из своего глубокого падения (в культовом действе это выражают поднятием чаши). Многие должны пройти через сожжение, прежде чем вновь воспарить: дым ладана поднимается ввысь, символизируя возвращающиеся к

родным высотам мысли и ощущения души. В этом жертвоприношении нее накопленное на Земле, чувственный опыт и достижения души, преподносится отчему миру божественного. Однако пережитое в земном бытии не было бы воспринято духовным миром, если бы уже во всем земном не действовал Христос. Оно было бы попросту отвергнуто, как в те времена, когда пароды были слишком привязаны к земле, чтобы вознестись ввысь: умершие оставались в царстве теней, в Гадесе.

Лишь принесенное в жертву может быть несущественно и "усвоено" божественным отечеством. Земную пищу и земное питье возносим мы после смерти в царство духа. И ему необходимы такие дары. То, что человек приносит с собой с земли, обогащает иные миры. Без опыта и способностей, вбираемых из земного бытия, божественный мир также не смог бы развиваться. Поэтому он снова и снова посылает вниз человеческие души, чтобы отвоевать у мира материи благороднейшие его силы. Ибо они питают высоты. Они одухотворяют земную пищу, несомую ввысь душой умирающего. Так на третьей ступени происходит обратное превращение земного бытия в духовное. Оно раскрывается в действе, которое издревле называют пресуществлением. Это превращение элементов, выставленных на алтаре, в плоть и кровь Христову.

Своими силами душа не способна переработать земной опыт и передать духовным сферам энергии, добытые ею в земном бытии. На помощь приходят божественные помощники. Душа умершего начинает воспринимать излучение, исходящее из ее внутреннего мира, и его трансформацию в мировые силы.

Новалис интуитивно понимал этот факт, о чем свидетельствуют его слова: "Красота и нравственность в мире духов почти как свет и тепло. Более точное знание о них, об их родстве и сходстве позволит обосновать и развить духоведение, точно так же, как знание о свете и тепле позволило обосновать науку о звездном мире". Действительно, нравственные силы преобразуются после смерти в силы космические и ведут к возникновению нового космоса. Масштабное развитие того, что Новалис лишь смутно угадывал, можно видеть благодаря духовной науке Рудольфа Штейнера. Впору говорить чуть ли не о физике и химии духовных миров.

Этими силами зарождающегося мира проникается в духовных сферах человеческое существо. Воспринятое и пресуществленное духом способно стать для умерших пищей и конструктивной силой. Плоть и кровь Христовы даруют себя человеческому Я, дабы помочь ему сотворить новое тело и новую кровь жизни.

Тайны мира воскресения, формирование новой, более высокой телесности раскрываются, таким образом, в четвертой ступени культового действия. Это "причастие" - воссоединение человеческого духа с божественной жизнью, антипод первой ступени нисхождения, изгнания человеческого существа, стремящегося понять себя в своей самости Я, из божественной общности. В таинстве причастия душа празднует сокровеннейшему бракосочетанию своего существа с существом божественным. Это предвосхищение высочайшего, т.е. соединения с божественной жизнью, которое означает, однако, не растворение человека в Боге, а - поскольку человек угоден Богу и Он извечно благоволил ему в истинном его прообразе - обретение нового облика из источника божественной жизни. "Да будет моя плоть твоею плотью, Моя кровь твоею кровью", - говорит Воскресший в духе тем, кому через него дано изведать возрождение.

Так освящение человека как культ умерших - а это лишь одна из его сторон - проходит по ступеням вечной жизни духовных сфер, закладывая основу общности живых и умерших.

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

Как мы вообще можем знать что-либо достоверное о жизни после смерти? Не суть ли все наши идеи и догадки об этом лишь "благочестивое желание", а то и фантастика? Особенно если мы дерзаем составить себе чересчур отчетливые представления о

Но мнению многих, Иммануил Кант раз и навсегда установил "пределы нашего познания". Он отметал любой метафизический опыт как находящийся вне сферы нашего разума. Но все же и он пытался через принципы так называемого "практического разума" вновь обрести то, что бесповоротно отвергал в "Критике чистого разума". Личное бессмертие человеческого существа и нравственное мироустройство - благодаря которым по ту сторону земной жизни обеспечивается некое воздаяние за наши поступки, дурные и добрые, - Кант считает постулатами; человеку, ведущему нравственную жизнь, без них не обойтись.

Однако невозможно установить в теории, существуют границы познания или нет. Здесь тоже следует ныне признать идею развития. Представим себе рыбу, способную философствовать! В те времена, когда на Земле еще не было высших видов животных, она бы с легкостью явила, например, строгое доказательство, что дышать можно только жабрами и что воздух смертельно опасен. Ведь формирование легких есть результат развития, о котором эта рыба еще понятия не имела. Но ей бы не стоило и стремиться авансом опровергать его. Является ли легочное дыхание, выражаясь фигурально, пределом возможностей человека или у него разовьются повью органы более высокого порядка, которые позволят ему дышать воздухом духа, - этого нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Ответ на такой вопрос можно найти лишь практическим способом, и в этом всегда заключалась задача священных храмов человечества. Мистерии древности вправду выходили за пределы познания. Они учили неофитов пробуждаться в сверхчувственных сферах. Учили их дышать воздухом небес. Посвящение" знало способы, посредством которых можно на время отключить чувства, притормозить телесные функции до такой степени, что пробуждаемый обретал способность жить в духе вне тела. Как душа в смерти вырывается из тела и тем самым высвобождает силы, поддерживающие его и оживляющие, так и посвящение уводило ученика на три (порой на три с половиной) дня в тот мир, куда человек обычно попадает, лишь, умирая. Примерно па тот срок, в течение которого труп остается па земле, по подвергаясь окончательному распаду, посвященный мог покинуть свое тело. Достаточно было только поддерживать легкую связь эфирных сил с телесными функциями. Возвратившись в тело, которое наставники меж тем хранили в храме, он был другим человеком. Отныне, вдохнув воздух вечности, он был "свидетелем света" в царстве чувственной мглы. Великие религиозные откровения о жизни после смерти, обычаи общения с умершими, культовые действия, являвшие собою отраженно сверхчувственной жизни, - всем этим народы обязаны посвященным, мужественно переступавшим порог смерти и приносившим с собою знание о потустороннем мире. Например, представления о сфере очищения, через которую должно пройти душам, - "Камалока" индийцев или "чистилище" церковного предания - суть результаты такого опыта, приобретенного отдельными посвященными в царстве умерших.

Однако по мере того, как человеческая культура все глубже увязала в материальном мире и начинала осваивать Землю, посвящения становились все более и более трудным делом. Душенные силы и тонкое эфирное тело слишком тесно срастались с телом физическим. Псе реже удавалось расшатать эту связь. Святыням остались лишь предания былых времен. Теперь вечное само должно было явиться в земном мире, ибо люди уже утратили способность возвышаться до пего созерцанием. Солнце духовного мира. Христос, явился в земном теле Иисуса из Назарета. Он прошел через смерть и вырвал у нее новое, высшее тело. Голгофа была не просто внешним историческим событием, по, по выражению Рудольфа Штейнера, еще и "мистическим фактом". Умерев физической смертью на кресте, Христос прошел посвящение смертью. На собственном опыте Он изведаль то, что переживали посвященные в храмах древности. Отныне связь со Христом, прошедшим через смерть и гроб к воскресению, заменила человеку былое посвящение. Христос совершил Свое деяние за все человечество. Силы, исходящие от крестной смерти па Голгофе, стали с тех пор неотъемлемой частью земного бытия. Их

можно принять в глубины сердца, и тогда еще по его сторону порога они зажгут в нас жизнь, побеждающую смерть. /*Эту разгадку тайны любимого ученика Рудольф Штейнер впервые дал в книге "Христианство как мистический факт" (1902). Детальное обоснование можно найти и его лекциях об Иоанновом Евангелие (1908)./

Вначале среди учеников Господа был только один, кому довелось пройти с Ним через переживание смерти. Одному из них должно было достичь зрелости, чтобы стоять с Ним под крестом на Голгофе. Этого ученика обычно не называют по имени. Нам он известен как тот, "которого любил Господь". Гл. II Евангелия от Иоанна приоткрывает загадку этой личности тому, кто хочет понять ее смысл. Это Лазарь, который заболевает и умирает; однако на четвертый день после погребения в Вифании Христос воскрешает его. Он, о котором сестры его говорят: "Господи! вот, кого Ты любишь, болен", - и есть любимый ученик. Болезнь его не дет не к смерти, а к откровению Божию, дабы Сын Божий явил Себя через нее, - так Сам Христос объясняет происходящее Своим ученикам.

Лазарь проходит через посвятельную смерть. Земной человек должен на время угаснуть и на три-четыре дня погрузиться в сон, подобный смерти, дабы божественно-вечная часть его существа вырвалась из плоти и пробудилась в духе. В нем явит Себя Бог. Таким образом, то, что в святилищах мистерий достигалось специальным обучением, происходит здесь в обычной жизни: Лазарь познает на самом себе любовь Христа. Как росток растет и расцветает под лучами солнца, а затем по мере созревания плода увядает от тех же самых лучей, так и человеческое Я, познавшее луч Божию любви, поднимается в своем развитии до неведомых ему доселе высот. Однако от того же луча оно и погибнет, чтобы взрастить в себе плод высшей жизни.

Или другом образ, позволяющий еще глубже заглянуть и тайну ученичества: гусеница должна пройти стадию куколки, чтобы проснуться бабочкой в мире света. Изменения ее облика наглядно показывают те незримые ступени, которые предстоит пройти нам самим. Вот почему бабочка встречается и в символике надгробных памятников дохристианских времен - как образ мистерии, познавших тайну смерти.

Однако для того, кто обрел посвящение через Самого Христа, эта "смерть для жизни новой" стала глубочайшей внутренней реальностью. Быть учеником Христа - значит не только усвоить те или иные истины и следовать им. Это значит - с помощью Христова Я пробудиться к подлинному собственному Я: обрести в Его свете новые глаза, в Его слове - новые уши; живя Им учиться дышать воздухом вечности.

Мы можем ощутить, что Лазарь воистину сумел увидеть Христово Я как свет миру. На него упал Его луч - луч пробуждающей любви. Как гусеница, которая ползает по земле, еще целиком и полностью к ней привязанная, и как бы погибает от солнечного света - окукливаясь, она отказывается от низшей формы жизни, - так и душа, привязанная к бренному и теперь узревшая луч вечного, решается пожертвовать всем своим прежним существованием. Она готовится к смерти. Гусеница ткет свой саван с помощью света, причем всегда в том направлении, в каком падают солнечные лучи; свивая кокон, она как бы следует за солнцем... Так же и ученик проходит через положение смертного своего существа во гроб; он словно ткет себе саван из падающих на него лучей солнца-Христа. Умирая, он соединяется со Христом. Но тот же свет, под воздействием которого он созрел для смерти, призывает его к новой жизни. Бабочка рвет оболочку куколки. Немного погодя в новом свете жизни у ней вырастают крылья, дающие ей возможность жить свободной от земли.

Этот образ учит нас пониманию воскрешения Лазаря. Тот, кто, завернутый в пелены, научился освобождению и вышел из гроба, был уже по сути своей другим. Прежнее имя потеряло для него значение, важно было только, что он познал любовь Учителя на самом себе. Ученик, "которого любил Господь", стал посвященным, пройдя через впечатления, сообщенные ему Христом и глубоко потрясшие его. Отныне он смотрит на мир глазами, узревшими сияние другого солнца. Он описывает жизнь и смерть Христа так, как они

видятся умершим. А значит, он повсюду сеет свет воскресения. Земная жизнь становится для него совершенно прозрачной.

Потому-то Евангелие от Иоанна написано так, что оно попятно и ангелам, и душам в царстве умерших. Ведь все здесь поднято в сферу символов; из него непосредственно глаголет вечность. Вот почему можно мести Евангелие от Иоанна душам умерших, как бы "читая" его для них и твердо верить, что они непосредственно воспринимают мысли и чувства, формирующиеся в душе читающего и устремленные к ним. Если читающий хотя бы смутно понимает Евангелие от Иоанна, то умершие могут проникнуть в услышанное светом, сотканным из чистых чувств. И в виде просветленных мыслей и ощущении посылают его назад в душу читающего или медитирующего.

Достоевский однажды показал этот факт например интуитивного христианства, присущего душе русского народа. Когда мудрый и добрый старец Зосима (хранитель восточного течения Иоанновой Христианской мистики) умирает в ските, набожный отец Паисий день и ночь бдит у гроба, читан умершему вслух евангельские тексты. А молодой Алеша Карамазов, любимый ученик старца, приходит ко гробу вечером, становится на колени и молится. Потрясенный уходом любимого учителя и утомленный дневными трудами, он не замечает, как его молитва переходит в сновидение. Он слышит, как отец Паисий читает: "И в третий день брак бысть в Кане Галилейстей ". И образы Иоаннова Евангелия начинают смешиваться с образами сновидения и молитвами: они переносят его ближе к умершему. Перед внутренним его взором комната раздвигается, становится свадебной залой. Это брак в Кане. Молодая чета сидит за столом: много гостей приглашено на праздник: ""Тоже, милый, тоже зван и призван, - раздается над ним тихим голос. - Зачем сюда схоронился, что не видать тебя... Пойдем и ты к нам". Голос его, голос старца Зосимы. <...> "Веселимся. - продолжает сухонький старичок, - пьем новое вино, вино радости новой, великой: видишь, сколько гостей? <...> А видишь ли солнце наше, видишь ли ты Его? <...> Не бойся Его. Страшен величием пред нами, ужасен высотой Своею, по милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресеклась радость гостей, новых гостей ждет, новых непрерывно зовет и уже на веки веков. Вот и вино несут новое, сосуды несут... ""

Сновидение гаснет, Алеша просыпается. Ему довелось пережить высшую реальность, разбуженную Евангелием. Достоевский чутьем угадал существование великого праздника смерти, "приемного культа" и божественных мирах. Глубокое проникновение в Евангелие от Иоанна обладает инспирирующей силой. Того, кто стремится всем своим существом проникнуть в это писание, образы, ритм и последовательность изложения священных событий способны привести в мир воскресения. Сопереживая внутренне его события, читающим, медитирующим сам становится учеником, который познает луч любви Христова Я и учится умирать и пробуждаться от этого света. С упадком древних святилищ и вырождением мистерий Евангелие от Иоанна само стало храмом пробуждения. Шаг за шагом оно снимает печати с царств за порогом смерти. Образы и силы слова, заключенные в нем, вплоть до мельчайших подробностей отражают суть происходящего с умершими па духовной стезе.

В посвящениях древности пробуждаемый переживал и ту трехдневную ретроспективу своей жизни, какую видит всякий умерший, меж тем как эфирные формирующие силы высвобождаются из его тела. При этом неопит до мига формирования своего телесного зародыша. На третий день, созерцая процесс образования крови, назначенной быть носителем его личности, он видит начало своей жизни. Затем его сознание на время угасает: он уходит в общий духовный мир, покинутый при воплощении. Как из воды, оплодотворяющей землю и поднимающейся по виноградной лозе, образуется виноградной сок, обособляясь в отдельных ягодах, так Единый божественный мир на Земле разделяется на многочисленные человеческие индивидуальности. Вода превращается в вино. Душа умершего видит это; по учению, проникнутым явленным в земном бытии Христом, переживает еще больше. Он видит бедствия человечества, истощение давних

сил крови и новое образование крови благодаря Христу, действующему в человеке. Христос обращает воду в вино; Он дает лучшее вино, способное заново соединить человека с божественным миром. Это и есть "брак". Все, что человеческое Я вырабатывает на Земле в союзе со Христом, милостиво принимается духовным миром - чаша Грааля, в которой сияет кровь, пресуществленная Христом. Вертится единение небесных и земных сил. "Брак в Кане", хотя и был земным событием, становится символом бракосочетания сфер силою вина, пресуществленного Христом. Для умирающего во Христе "в третий день" происходит решающее событие: он видит в этом символе мистерию своего вочеловечения. "Так положил Иисус начало чудесам" - так будет и впредь для каждого, кто в смерти обретает Христа. Переживая благодаря Ему обновление крови, он осознает очищенные силы своей личности, уже не отделяющие, а воссоединяющие нас с божественной жизнью. Начинается праздник в честь возвращающихся к духу. От этого события, силой своею растворяющего небеса. Евангелие от Иоанна ведет к все более высоким ступеням взаимопроникновения человеческого Я и божественного, достигая все более священных кругов.

Лазарь-Иоанн стал свидетелем миров, расположенных за порогом смерти. Он сообщает нашему земному сознанию свой свет воскресения. В этом свете границы познания раздвигаются. Познание, говоря словами Фихте, становится "активным деянием". Каждая новая сфера может быть достигнута лишь благодаря новым деяниям, направленным на самопреображение.

ПОЭТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА (ДАНТЕ И ГЁТЕ)

Если мышлению должно воскреснуть и избавиться от всех ограничений, налагаемых на него чувствами, то прежде всего оно должно ощутить в себе полетную силу. Великие поэтические творения человечества во все времена были здесь наилучшими помощниками. Гёте говорил о фантазии как о "заместительнице". Подобно тому как заря предшествует восходу солнца, она предшествует бестелесному созерцанию, которое способно подняться в миры за порогом смерти. Великая поэзия обладает силой, пробуждающей тонкие духовные восприятия, что уже сегодня зарождаются во многих душах. Художественное произведение, в котором присутствуют силы воскресения, несет нас к высотам, с которых просматривается вся жизнь, как посюсторонняя, так и потусторонняя. Таковы "Божественная комедия" Данте и "Фауст" Гёте -исповедальные книги двух ступеней человечества.

Данте рисует перед нами "потусторонний мир", куда ему довелось попасть при жизни, чтобы поведать о нем земным людям. Перед ним предстают три мира - ад, чистилище и рай. Он встречает души умерших, терзаемые муками и упивающиеся блаженством. Он видит суд вершимый над всеми земными делами в свете вечности. /*Книги Рая. Перевод В. Левика./

Гёте в своем "Фаусте" изображает наполненную человеческую жизнь, исследуя ее во всей широте и глубине. Тут и там в нее проникает луч из невидимого мира, а в финале автор возводит эту земную жизнь к высшим сферам бытия. Путь Фауста достигает конечной цели лишь в вознесении. Преходящее движется навстречу вечному. Здесь нет суда, в отличие от Данте, есть лишь просветление и совершенство, вопреки всем грехам.

Что касается концепции вечного и преходящего, между этими двумя произведениями зияет бездна. Однако есть у них и общая черта - отвага, с какой они устремляются в неизведанное.

В "Западно-восточном диване" Гёте однажды говорит так:

Ты звезды облетел один,

Ты приобщился Божиим глубин,

и в этих словах звучит то же титаническое стремление, пылом которого проникнут и Данте.

На первый взгляд нарисованная Данте картина потустороннего кажется всего лишь, средневеково-католической. Великолепная и последовательная в своей архитектонике, но в то же время и беспощадная. Страх перед проклятием и надежда на блаженство - таковы "религиозные" побудительные силы нравственного поведения человека средневековья; исходя из этого настроения поэт рисует мир вечно проклятых и мир вечно блаженных.

Перед тем как под водительством античного поэта и мудреца Вергилия спуститься в девять кругом ада, он читает темные письма над воротами "Входящие, оставьте упования"*. /*Здесь и далее "Божественная комедия цитируется в переводе М. Лозинского./

Неужели короткая земная жизнь, вправду решает судьбу души в вечности? Ведь в этом "аду" пет возможностей развития. В его царстве совершенно немислимы ни поворот событий, ни милосердное вмешательство свыше. Данте рассматривает людские пороки и прегрешения с целью их классификации и распределения по кругам ада. Что представляла собою человеческая индивидуальность в целом, каковы были ее задатки, за что она боролась и к чему стремилась - все это здесь никакой роли после смерти не играет.

Однако же в сердце живого человека неизбежно поднимается протест против такой оценки человеческой жизни. К примеру, в Двадцатой песни Данте изображает потрясающую встречу с прорицателями и магами, сосланными в ад. Он сам приходит в отчаяние при виде вечных мук:

Я плакал, опершись на выступ скальный.

"Ужель твое безумье таково? -

Промолвил мне мой спутник достохвальный. -

Здесь жив к добру тот, в ком ?н? мертво.

Не те ли всех тяжеле виноваты.

Кто ропщет, если судит божество? <...>"

Мы видим, что сердце Данте не способно примириться с подобным порядком вещей. Все его существо протестует против царства вечной обреченности. Но перед ним грозно встает церковная догма, и зарождающиеся ощущения тотчас испуганно умолкают. Ибо "грешно" и дерзко испытывать сочувствие там, где его не ведает Сам Бог!

Однако напрашивается вопрос: что же это за Бог, чья милость имеет пределы и даже не достигает пределов человеческого сострадания?

Отправимся теперь вслед за Данте в небесный мир. Он поднимается в девять сфер, из которых каждая последующая светлее и блаженнее предыдущих. В соответствии со средневековыми воззрениями это семь планетных кругов, небо звезд и последняя сфера, силою любви движущая всеми остальными. Блаженные духи населяют каждый из кругов, но место им определено в зависимости от их заслуг и добродетелей. Здесь также происходит классификация.

Ступив в нижнюю, самую медленную - лунную - сферу (за небесное сияние он называет ее "жемчуг, вечно нерушим"), Данте встречается с душами, не сумевшими в полной мере сдержать на земле свои обеты: они остаются гражданами "самой медленной из сфер". Женщина, с которой он был знаком на земле, обращается к нему. Он узнаёт ее не сразу и говорит:

Ваш небывалый вид

Блестит так божественно и чудно.

Что он с начальным обликом не слит.

Весьма характерен для Данте и вопрос, первым слетающий с его уст:

"Но расскажи: вы все кто счастлив тут. Взыскуете ли высшего предала.

Где большой кругозор и дружба ждут?" С другими улыбаясь, тень глядели И радостно откликнувшись потом. Как бы любовью первой пламенела: "Брат, нашу волю утолил во всем Закон любви лишь то желать велящий, Что есть у нас, не мысля об ином".

Она учит его, что любые человеческие устремления, выходящие за пределы ступени царства духов, назначенной ему Богом, идут вразрез с принципом блаженного бытия. Его воля - мир этих душ.

Понятие блаженства в трактовке Данте есть всего лишь состояние души. По сути, оно гасит творческие устремления, а значит, и сокровеннейшее ядро личности. Вопрос о постепенном росте духа отклоняется с улыбкой. Здесь неведомо ничто, кроме полной покорности, неведомо вращение человеческой воли по всеобъемлющую, божественную волю, что надлежало бы показать как длительный процесс развития.

Устремления человеческого сердца здесь должны умолкнуть, мировоззрение Дайте полагает их не относящимися к глубинной сущности всякой жизни. Это блаженство, однако лишённое реального жизненного содержания! Есть ли принципиальная разница между таким небом и буддийской "нирваной"?

И все же в "Божественной комедии" встречаются места, стихийно пробивающие брешь в подобных воззрениях. В самом начале поэт описывает, как на границе чувственного мира ему является Вергилий, посланец с другой стороны. Он рассказывает о блаженной женщине, которая низошла к нему, язычнику, пребывающему в царстве теней. Это была Беатриче, давно умершая возлюбленная молодого Данте.. Она озабочена судьбою своего друга, который блуждает па земле и находится в опасности, ибо может утратить вечное блаженство. Она не хочет воссесть на престоле высочайшего блаженства, пока он борется там, внизу:

И Беатриче, та кто шлет тебя:

Меня сюда из милого мне края

Свела любовь; я говорю любя.

Вергилий видит "ясные звезды" ее глаз, оплакивающих Данте. Мы догадываемся: блаженные духи продолжают бороться за души своих возлюбленных пребывающих в земном мраке...

Однако Вергилий, удивленный, что блаженная душа рискнула спуститься в мир несчастных, спрашивает ее о причине. И тогда она дает ему ответ, глубоко пас разочаровывающим:

Меня такую создал царь, вселенной.

Что вашей мукой я не смущена

И в это пламя нисхожу нетленной.

Так говорит догматика, по отнюдь не человеческое сердце! Ме притупляет ли блаженство этого "христианского" неба способность душ испытывать чистое сострадание? Но делает ли оно их безжалостными?

Таким не может быть небо Бога, ставшего человеком и избравшего человеческую судьбу. В таком "блаженстве" слышен голос не Христа, по Иеговы, судии, разрывающего мир надвое, разверзающего неодолимую пропасть меж праведниками и презренными грешниками.

Если бы существовало такое "вечное блаженство", не способное более сочувствовать страданиям несчастных, о нем можно было бы сказать слонами Толстого, написавшего однажды своей приятельнице, что нельзя уповать на счастье, мечтать о таком состоянии, когда не будет ни трудностей, ни ошибок, ни горя, ибо "покой есть душенная подлость". Эти слона, распространенные и на жизнь после смерти, в большей мере проникнуты духом Христа, чем все надежды на "вечный покой", которыми принято утешать уставшие от жизни души.

Для мироощущения Гёте такой дуалистский взгляд был неприемлем. Гёте не мог допустить окончательного распада духовного мира на рай и ад: ему были чужды завершенность и статичность Дантона мира. Идея движения и метаморфозы была в его мировоззрении неразрывно связана с сущностью всего живого. Поэтому он говорит Эккерману: "Для меня убежденность в вечной жизни вытекает из понятия деятельности. Поскольку я действую неустанно до самого своего конца, природа обязана предоставить

мне иную форму существования, ежели нынешней дольше не удержать моего духа"*.
/*Эккерман "Разговоры с Гёте в последние годы жизни" цитируется в переводе Наталии Ман./

В другом месте Эккерман рассказывает, как однажды во время вечерней прогулки Гёте прочел строку из классика древности: ""И при закате своем это не то же светило". Когда человеку семьдесят пять лет, - вдруг весело и жизнерадостно продолжил он, - он не может временами не думать о смерти. Меня эта мысль оставляет вполне спокойным, ибо я убежден, что дух наш неистребим: он продолжает творить от вечности к вечности. Он сходствует с солнцем, которое заходит лишь для нашего земного взора, на самом же деле никогда не заходит, непрерывно продолжая светить".

Для поэта солнце символизирует ядро человеческой сущности: истинная самость есть источник жизни, творческое начало, сияющий негасимый свет. Его "закат" - всего лишь обман чувств, как и закат солнца. Смерть есть не что иное, как перемена места нашей деятельности. Этот образ позволяет нам ощутить, что человеческое Я поворачивается то к зримой, то к незримой стороне бытия. В глубинной же своей сути эти стороны составляют единство мира.

Исходя из такого миропонимания, Гёте не мог не попытаться проследить судьбу своего "Фауста", титанически неуемного человека, за порогом смерти и гроба, в мире сверхчувственного. Он не мог не показать возможности развития, доступные устремленному вперед духу в высших сферах. Образы и фигуры, в которых он воплощает развитие бессмертного ростка Фаустовой души, конечно, заимствованы из средневекового мира символов. Иные детали весьма напоминают величественную картину Дантова мироздания.

Делать на этом основании вывод об обращении стареющего Гёте к католицизму - значит не слышать сокровенного пульса произведения. Сам автор говорит об этом так: "Я бы легко заблудился в туманном, если бы не облек мои поэтические замыслы в четко очерченные христианско-церковные образы и представления, чем придал им благотворно ограниченную форму и устойчивость".

Отливая свои взгляды на посмертную судьбу в формы символов Данте и средневекового христианства, Гёте преодолевает их именно благодаря тому, как он это делает, - он взрывает их изнутри.

Изобразить вознесение Фауста на небеса - мысль, безусловно, дерзкая, тем более что все истории о докторе Фаусте заканчиваются иначе: его уносит черт. С точки зрения средневековой церкви Фауст обречен адским мукам. Данте и не знал бы, в какой круг ада его поместить - к убийцам, отравителям, магам или еретикам. Гёте показывает, что бессмертное Я человека значит много больше, чем его пороки и проступки. Не то чтобы он не осознавал важности земной вины. Ведь он показывает, сколь многое в душе Фауста удерживают поначалу, после его смерти, Мефистофель и его воинства. Разверзается адская пасть:

Клыки торчат: со свода истекает.

Ярьсь бурливо, пламени потоп:

А сзади город огненный сверкает

В пожаре вечном, страшен и высок*.

/*Здесь и далее "Фауст" цитируется в переводе Н. Холодковского./

Это тот самый адский город Дит, который описан у Данте. Однако мир зла не в силах удержать бессмертную душу Фауста. Пламенная натура человека способна пройти через очищение. Хор ангелом призывно поет:

Пламя любви святой. К свету направь свой путь! Истины луч златой, Падшим целебен будь. Чтобы от духа зла Наметь твоя их спасла, - В светлый блаженства рай

По сути, всякое пламя есть "пламя любви" - заблудите силы любви и страсти. И пока в человеке не угасла пламенная натура, у него всегда есть возможности избавления. Ее нужно лишь очистить и обратить к божественному. Для этого в горних мирах найдутся

помощники. Гёте тоже знает "purgatorio" - мир очищения, с такой потрясающей силой изображенный у Данте. По здесь имеет место существенное различие: Данте рисует систему искупления и кар, наложенных на души за их прегрешения; Гёте же показывает, как душа растет круг за кругом, вступая во все более высокие и чистые сообщества. Тогда как в "Божественной комедии" души распределены по тем или иным небесным сферам согласно своим заслугам и добродетелям и остаются как бы прикованы к этим пределам, у Гёте говорится:

К славе Господней.
К небу скорей:
Воздух свободней,
Духу вольней!

Сферы переходят одна в другую. Обитатели различных душевных рентной находятся в гармоничном взаимодействии. Мы видим, как души блаженных младенцев служат ангелам; в небесных сферах им должно принимать новый дух, освобождая его из "кокона куколки". Он должен прежде всего пробить оболочки, еще оставшиеся у него от узости земных представлений и телесных привычек, подобно тому как бабочка, разбуженная светом, сбрасывает с себя кокон. А младшие ангелы радуются приходу человека, измерившего глубины всего земного. Ибо духи испытывают потребность в земном опыте, приобретенном и выстраданном человеком. Они принимают зрелый земной опыт как дар. И то, что они приобретают, перевешивает любую вину, без которой человеку невозможно пройти земной мир до конца.

Из всего богатства гетевской душевной картины, позволяющей заглянуть в мудрое устройство мировых сил, мы выделим еще лишь один факт и сопоставим его с планом блаженства у Данте. Кто же, собственно говоря, вызволяет душу Фауста из "адской пасти", разверзшейся после его смерти и грозящей поглотить его?

Не ангелы. Они сами говорят:
Эти розы, дар небесный
Грешниц кающихся хора.
Были помощью чудесной
И победу дали скоро:
Драгоценный дух спасли мы!
Бесы скрылись как пришли мы...

В горних сферах мы вновь встречаем Гретхен. Она пребывает в "хоре кающихся грешниц". У Данте мы наперника увидели бы эту соблазненную детоубийцу в воронке ада. Гёте показывает ее нам очищенной, в непосредственной близости к "Maler gloriosa". Царице небесной. Ведь это розы Гретхен ангелы снесли вниз и высыпали в бездну. Но розы растут только на земле; поэтому не ангелы, а лишь земные люди - те, кто сумел превратить огонь земной любви в "священный пыл", - способны произвести чудотворную силу розы, с помощью которой духи снимают адское заклятие. Благодаря освященным болю силам крови - ведь розы цветут на колючем кустарнике - достигается победа в том промежуточном царство, где кипит борьба за еще по очищенные души. Благоухание изливающихся сил любви пробуждает к росту высшие чувства бессмертного человеческого существа. Так Фауст, пробуждаясь все больше и больше, избавляется от демонов, которые властвуют лишь душою, плененной сном.

Здесь брезжит тайна жертвы, принесенной за человечество. Гёте не называет имени Христа. Однако все царство духов в финале "Фауста" проникнуто Его существом. Оно вибрирует в ритмах, благоухает и светит во всех образах этой сцепы, вызванных к жизни волшебной силой пера поэта.

Данте тоже возносится к блаженству спасительной рукою возлюбленной своей юности. Но Беатриче, во всем великолепии являющаяся на пороге меж чистилищем и раем, призывает его к покаянию. Прежде чем улыбнуться ему и повести к высотам, она испытывает и проверяет его совесть. Она святая, по она корит и судит. Гретхен -

кающаяся грешница, но она молчит и жертвует. Она шлет навстречу возлюбленному юности бальзам своих роз еще до того, как является перед ним. Он даже не подозревает, что в его судьбе участвует "любовь свыше". Осужденная на земле становится в свете горних миров не просто спасенной, как говорит уже сцена ее смерти в темнице. Она становится спасительницей.

Гете так глубоко прочувствовал мистерию преображения, что ему незачем осуждать человеческое. Ведь нот такой земной силы, чтобы она была слишком ничтожна и дурна, а потому по заслуживала бы очищения и вознесения ввысь к духу - к человеку, отдающем себя во власть преображения. Пропась меж высотами и глубинами навеки преодолена благодаря событию на Голгофе.

Поэтому с точки зрения конечной своей цели мир подставляет собою единство. И мы таинственным образом входим в этот единый организм как члены, как составные части. Правда, пока разрозненные, по нее же составные части, от отсутствия которых целое будет страдать до тех пор пока они снова не соберутся вместе. "Дух благородный зла избег, сподобился спасенья". - ликуют ангелы, вознося ввысь бессмертную душу Фауста. Ведь каждый из духов, борющийся в пропасти. - это боль Бога. Нет на небесах совершенного блаженства, покуда в безднах стонут обреченные, а отчаявшиеся в жизни шлют своему Богу проклятия. Христос желает воскреснуть во всех Своих "членах". Дантовы "блаженные" упиваются благодатным ликом Бога пассивно наслаждаются небесными радостями. Гетевские "небеса" являют нам мир деятельных существ. Поэт внушает хоть и смутную.

По догадку о тех неизмеримо огромных задачах, которые мы однажды будем призваны исполнить в стране духов. И, конечно, в этом нам открывается начало высшей благодати, если "благодать" есть великое содержание жизни, которому можно посвятить себя целиком и союз с которым таит возможности бесконечного роста.

РЕИНКАРНАЦИЯ

Если к примеру, мы воспитаны па односторонних идеях наследственности, то они замутняют наш духовный взор, мешая ему увидеть сверхчувственный световой облик человека. Они цепенят внимание души, которому хочется вникнуть в сокровенные послания жестов или осанки. Не дают воспоминаниям о прежних инкарнациях и пророческим предчувствиям будущих полностью проникнуть в сознание. Поэтому нам нужна духовная наука, от которой исходит пробуждающая сила. В эпоху свободы эта духовная наука должна разъяснить законы сверхчувственной жизни прежде всего мышлению, причем в согласии с подлинно научными, в частности с естественнонаучными, устремлениями. По это и есть законы метаморфозы человеческого духа, который через смерти и рождения идет к все более и более чистому раскрытию своего истинного назначения. Когда пытлиное мышление - Гёте назвал бы его "созерцательной силой суждения" - принимает и постигает эти законы, человеческий дух способен развить к ним свободное отношение. Ему не нужно ни изнемогать от мистических ощущения, ни втискивать себя в узкие рамки застывших догм.

Рудольф Штейнер, чьему духовному взору были открыты миры умерших и нерожденных, в своих духовнонаучных книгах и лекциях всегда излагал знания о сверхчувственной жизни в форме идей. Непредубежденное мышление воспринимает их еще до того, как в душе просыпается способность видеть. Такое осмысление, если оно умеет не впадать ни в доверчивый восторг, ни в категорическое отрицание, способно расколдовать сверхчувственные органы восприятия, зародыши которых есть в любой душе. Тем самым подготавливается созерцательное переживание вечного; такому мышлению присуща "ключевая сила". Оно отворяет врата царства умерших. Ибо настрой души, возникающий в равновесии меж этими двумя опасностями, уже сам по себе есть нравственный поступок. Спиритуальная мыслительная работа очищает и освобождает в

человеческой душе нечто, способное оформиться в органы слуха и зрения, посредством которых приобретает высший мировой и душевный опыт. Ведь духовные миры раскрываются только возросшим нравственным силам человеческой природы. Пути развития и поддержания этих сил сверхчувственного познания описаны в книгах Рудольфа Штейнера. Это практические пути, они ждут своих странников. Однако для пробуждения духовного сознания много значит и восприятие таких идей в процессе спокойного, пытливого чтения, когда, осмысливая их человек приводит в движение высокие душевные силы.

По сути, духовные истины невозможно доказать ничем, кроме "доводов духа и силы". Тот кто желает плодотворно применять такие идеи, как идея реинкарнации, в мировоззрении, в нравственных поступках, познает и степень их внутренней истинности.

Вот те врата, в которые войдя я вижу все преображенным... - сказал однажды поэт Кристиан Моргенштерн, размышляя о реинкарнации.

В будущем из этого переживания разовьются нравственные побуждения такой силы и целеустремленности, каких большинство из нас ныне даже и вообразить себе не может. Человек, который ощущает гною теперешнюю земную жизнь лишь как ступень и учится видеть долгую цепь развития в земных жизнях, сумеет принимать решения с расчетом на дальнюю перспективу. Например, он будет знать, что наряду с непосредственными требованиями сегодняшнего дня на него возложены еще и обязанности саморазвития, терпеливого пробуждения сокрытых духовных сил. Может статься, в силу своей профессии и судьбы он замкнут в кругу, не позволяющем проявиться важным его душевным задаткам и глубинным духовным интересам. Однако он может научиться рассматривать данное свое воплощение как плодную оболочку, защищающую и питающую нежный зародыш. Этот зародыш не должен появиться на свет раньше срока: быть может, ему как раз и нужно беречь силы для будущей земной жизни. Это не препятствует человеку достойно проявить себя и в этой жизни, в назначенном ему судьбою спектре задач. Говоря языком Христовой притчи, сначала нужно проявить себя верным в малом, чтобы однажды быть поставленным над многим. Иная жизнь, на земле совершенно неприметная, заключает в себе подготовку важной инкарнации. Так в душе, таящей смутные догадки о неизмеримой будущности человечества, развивается "благоговение перед тем, что есть в нас" (по словам Гёте, благороднейшая из добродетелей). Все слова и дела человека, настроенного подобным образом, отмечены мировым спокойствием, которое проявляется вовне, по отношению к окружающим, как умение ждать. На его основе в межчеловеческом общении могут произрасти тонкие социальные силы. И безвременная смерть со всеми нереализованными дарованиями и неисполненными обещаниями не кажется ни бессмысленной, ни жестокой, если знать о будущих ступенях становления и кругах земных воплощений. Там, где жизнь не дает нам осуществить идеалы, мы должны рассматривать их как силы будущего роста. Прежде чем в полной мере проявить себя, они хотят еще раз пройти через божественные сферы и лишь затем, как бы после крещения мировым духом, вновь низойти на землю во благо человечеству.

Фридрих Ницше пытался соединить надежды людей на вечную жизнь, столь часто ведущие к эскапизму с неременной верностью земле. Этой цели должно было служить его умение о "вечном возвращении". Однако будь эта идея, во многих аспектах несостоятельная, в самом деле воспринята, она не вызвала бы у людей ничего, кроме парализующего отчаяния. Ведь она бы отсекала все нереализованные возможности развития, какие мы ощущаем в себе. Верность земле в высшем смысле слова созреет в людях только как плод подлинного знания о перевоплощении.

Но для этого мысль о реинкарнации должна освободиться от тех представлений, что крепко пристали к ней еще со времен Будды. Для великого учителя Востока благороднейшая цель мудреца заключалась в сокращении цепи воплощений, ибо земное

бытие было для него страданием. Убивая в себе волю к жизни, люди учились упразднить необходимость воплощения.

Но что же страдает в нас и что под влиянием новых и новых жизненных вожелений снова и снова опутывает нас виною, которая влечет за собою новые страдания?

Это не наше вечное Я: это неизбеженное творение, частицу которого все мы по-прежнему несем в себе. Ницше познакомился с восточной интерпретацией идеи реинкарнации через философию Шопенгауэра и даже утверждал ее в своих ранних работах, по впоследствии стал противником этого учения, причем именно в силу своего европейского образа мыслей, где подсознательно жили христианские душевные силы.

Я, принявшей в себя Христа, способно мужественно пройти через множество смертей и рождений. Ведь у него есть сила превращать боль в сокровенный свет мудрости силы смерти - в высшую волю к жизни. Лишь побеждая смерть, ступень за ступенью, человеческое Я создает себе тело воскресения. В нем оно однажды вступит в совершенно новое бытие, когда земной круговорот прекратится и Земля развеется в прах. "Убиваем не смерть, - восклицает Фихте, - а более живая жизнь, начинающаяся и развивающаяся под покровом старой. Смерть и рождение - всего лишь борьба жизни с самою собой, дабы представать все более просветленной и все более похожей на самое себя".

ЗАКОН СУДЬБЫ

Зачастую высокая мудрость, свободная от церковной догматики, целомудренно окутанная покровом прекрасного, стучится в душу из сказок. Душевные силы наития скорее способны вобрать в себя зерно истины, нежели бодрствующее сознание может проникнуть в ясные идеи. Так, например, в сказке "Госпожа Метелица" нашли свое отражение тайны жизни души после смерти вплоть до нового воплощения, причем проломленные сквозь призму западного духа. Сказка повествует о том, как девушка, сидя у колодца, прядет день-деньской, пока от стертых в кровь пальцев пить на веретене не становится красной. Девушка наклоняется к колодцу, чтобы обмыть веретено, а оно выскальзывает у нее из рук и падает в глубину. Надо достать веретено, и девушка прыгает в колодец. Дальше в сказке говорится: "И стало ей дурно, но когда она опять очнулась, то увидела, что находится на прекрасном лугу, и светит над ним солнце, и растут на нем тысячи разных цветов".

Смерть изображена здесь к драматической аллегории - как обрыв нити жизни и поиски сил, с помощью которых можно возобновить прерванное "прядение". В сказке достоверно отображается прохождение через глубокое беспмятство, наступающее после трех-четырехдневной ретроспективы жизни: колодец здесь вроде потока Леты. В мире райских жизненных сил душа вновь приходит в себя... А затем девушка пускается в странствие. Проходя мимо печи с испеченными хлебами, мимо яблони со зрелыми яблоками, она охотно откликается на просьбу вынуть хлебы и отрясти яблоки. Более меткого образа душевного опыта, приобретаемого умершим и его странствиях, просто не найти. Пришла пора переработать пережитое на земле, ведь несчетные впечатления, радостные и болезненные, восприняты и погребены под порогом сознания. На земле человек лишь ничтожную долю своей судьбы претворяет в мудрость и жизненные силы. И вот теперь настало время освоить это богатство. Между тем оно стало хлебом и плодами, предназначенными питать дух на стезе странствия. Надо учиться пожинать и собирать плоды! Ибо весь жизненный опыт, перерабатываемый в посмертной жизни, превращается в силы и таланты, которые можно пронести в грядущую жизнь. Правда, мы тогда забудем о них, однако лишь забытые переживания как раз и становятся формирующей силой и органически входят в состав всего нашего существа, а не отягощают сознание. Некоторое время девушке должно трудиться в царстве умерших, ведь госпожа Метелица с большими страшными зубами олицетворяет не что иное, как силы смерти. Когда девушка взбивает перины, в мире идет снег. Можно сказать, теперь ей дано участвовать в чистейших

процессах кристаллизации. Разве же не возникает при взгляде на снежинку мысль о сконцентрированных звездных силах? Блажен сей чистый труд, вершимый духом в стране умерших, - как бы тончайшая работа по сгущению материала, подготовка нового земного бытия. Сказки изумительно передаст растущую тоску по земле и проникнута поистине западным настроем. Пробуждается мощная тяга к новому воплощению. По ту сторону бытия для человеческого духа нет "вечного блаженства", нет "нирваны". Именно за верность земле госпожа Метелица вознаграждает душу, с радостью отпускает ее через врата рождения в новую земную жизнь, возвращая потерянное веретено, с помощью которого та снова может начать прясть оборванную пенью жизни. Когда же девушка проходит через врата рождения, на нее проливается золотой дождь. Просветленная мудростью, такая душа будет шагать через следующую земную жизнь - как "златая девица".

Судьба нерадивой дочери, которая, не желая прясть, нарочно бросает веретено в колодец и прыгает следом, как раз и показывает, что в высших мирах означает верность земле. У того, кто бросается своей здешней жизнью и ни к чему не прилагает труда, после смерти не хватит сил, чтобы собрать плоды жизни. И в сказке говорится, что девушка бездумно проходит мимо выпеченных хлебов и созревших яблок. По оттого душа вступает в новую жизнь непросветленной и с затуманенными чувствами. С врат рождения на нее проливается смола. К ней постоянно будут липнуть неудачи, а значит, судьба и поступки такого человека будут лишены мудрости. "Леность в прядении", отсутствие интереса к жизненным обязанностям откликаются тупостью и глупостью в следующем земном бытии. Любое бегство от жизни - и прежде всего самоубийство - в горних мирах отнимает у души способность овладевать мудростью и жизненными силами, милостиво ей там предоставляемыми.

Пожалуй, подобный пример нагляднее всего отражает суть жизненной справедливости. Говоря о высоких тайнах судьбы, полезно вообще отказаться от таких понятий, как "награда и наказание". Например, можно всецело согласиться с Лютером в его стремлении исключить из нашего отношения к вечности всякий расчет и юридический аспект, по это еще отнюдь не повод отрицать понятие развития и закон равновесия, правящий судьбой. Существуют законы превращения в духе - переработка жизненного опыта и ошибок в будущие способности или же недостатки. Этот факт можно обозначить индийским выраженном "карма".

Рудольф Штейнер стремился показать, что, вопреки и распространенному представлению, карма не означает неизбежности и не есть наказание за наши поступки. Погружаясь, после обзора жизни в духовный сон, чтобы затем обновленной пробудиться в горном царстве, душа претерпевает своего рода обращение сознания. Она уже по воспринимает себя и свои ощущения как нечто обособленное, замкнутое в самости, она начинает переживать и, соответственно, оценивать свои дела и страдания как бы с другой стороны, с позиций других душ. Теперь она вновь проживает в ретроспективе события своей земной жизни, только на сей раз изнутри. Согласно духовным исследованиям Рудольфа Штейнера, такое нравственное проживание земной жизни занимает примерно треть того времени, что было отпущено нам на земле. Все поступки и весь, наш опыт предстают перед нами в свете духовного мира. "Это ты!" - говорят душе все существа и предметы. И, например, сделанное на земле другому человеку она теперь проживает как бы с его позиций. Эгоистическое удовольствие может отозваться теперь глубокой болью, если она ощутит, в какой степени эта радость была оплачена страданием другого существа. Она должна претерпеть ровно столько же страданий, сколько эгоистических радостей испытала на земле. В совместной жизни с существами горнего мира она ощущает оценку всего своего минувшего бытия; эта боль очищения необходима ей для все более и более полного пробуждения к нравственной реальности, а тем самым к собственному высшему Я.

Если бы она не хотела или не могла пережить эту болезненную оценку жизни, исходящую от возвышенных существ нового ее окружения, по вместе с тем производимую и ею самой, она осталась бы изолирована в собственных ощущениях. Ее уделом были бы полное одиночество и мрак, что со временем продало бы ее власти темных мировых сил, не знающих нравственного бытия. В старинной терминологии, что означало бы, конечно, уже не "чистилище" (purgatorio), но "ад" (inferno).

Таким образом, если развить это представление, в "ад" ссылает себя тот, кто не может пробудить в себе самопознания, лишая себя тем самым возможности очиститься. Не земные прегрешения, а умерщвленная совесть предаёт душу той сфере, которая стремится воздвигнуть царство антибожественного. Стало быть, пока у человека осталось хоть сколько-нибудь от морального органа, от сокровенной "совести", он обладает внутренней защитой, удерживающей его от падения в бездну после смерти и побуждающей подняться к жизни с божественным, прежде пройдя через очищение.

Хотя существуют такие поступки и душевные наклонности, что способны притупить и в конце концов даже разрушить нравственный орган.

Было бы неправильно испытывать страх перед болью самопознания и оценочным судом своей жизни. Ведь благодаря им постепенно пробуждаются наши душевные силы. В них - освободительная сила, а освобождение дарует блаженство в духе.

Кроме того, душа не предается страданию пассивно, бездеятельно. Рассматривая свои земные поступки и ошибки, она строит ответные образы, могущие уравновесить содеянное. При этом она ощущает все более настойчивую потребность исправить допущенные ошибки. Она прямо-таки жаждет справедливости, как земной человек жаждет пищи и питья. В этой сфере раскрывается глубинный смысл слов Нагорной проповеди: "Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся". Видя возможность построить новую земную судьбу, возможность вновь отыскать людей и жизненные ситуации, взывающие к возмещению, душа утешается в духе. Взаимодействуя с мудростью и милостью высочайших духовных существ, вечное Я человека строит себе новую судьбу. Оно переделывает свою карму и обретает в этом блаженство. Однако не "вечное блаженство", каковое при нынешнем состоянии мира было бы эгоизмом высшего порядка. Есть одно существо, желающее удержать нас в прекрасном мире света и потому заслоняющее нам землю как место уравнивания нашей судьбы. Этот искуситель, сулящий нам "вечное блаженство" - без повторных воплощений, - Люцифер.

Христос, храпящий первозданный образ человека, приходит нам на помощь и в мире высочайшего света. Он отвоевывает души у Люцифера. Без него мы едва ли нашли бы в себе силы противиться великому искушению светом. Один лишь Христос, некогда низошедший в лучах света, чтобы принести Свою жертву, способен как бы смягчить сияние мира света силою любви. Благодаря Ему душа находит ту внутреннюю силу тяжести в духе, что помогает ей вырваться из блаженного света высей, когда для нее, ведомой свободою и любовью, приходит час вновь отправиться в путь к земным глубинам.

ХРИСТОВ СВЕТ В ЦАРСТВЕ УМЕРШИХ

Не только Земля, но и духовные миры проходит через развитие. Ныне переживаемое умершими и очистительной сфере и способы, какими они творят новую судьбу, выглядит совершенно иначе, нежели во времена, непосредственно предшествовавшие нашему. Ведь уже оттого, что на протяжении веков и тысячелетий через врата смерти проходит души с разной степенью развития сознания, духовный мир претерпевает существенные изменения.

Так, например, чрезвычайно важно, восходят ли ввысь души, жившие на земле по нравственным заповедям, исходящим от внешнего авторитета, будь то но народным обычаям или религиозным законам вроде Моисеева декалога, или же умножаются такие,

что искали источник всей моральной жизни внутри себя. Первые воспримут нравственную оценку жизни, свершающуюся в свете высшей реальности, скорее, как приговор внешнего суда. Образно говоря, Моисей держит перед ними скрижали закона. Во многом это касается и тех людей, которые выстраивают свои дела согласно Кантову "категорическому императиву". Ведь они "подчиняются" "общему" нравственному закону, вместо того чтобы в каждой жизненной ситуации черпать доброе из творческого источника собственного Я. В отличие от них души, которые свободно видят в своем Я орган принятия нравственных решений и все больше пробуждают его, уже не воспринимают происходящее как приговор суда. После смерти они видят, какое действие имели их поступки в мировом контексте, и ощущают любой вред, причиненный ими другому, как собственную боль, как собственные раны. Образно говоря, Христос является в царство умерших и показывает Свои раны. Он никогда не судит и не проклинает. Он являет Себя как распятый в человечестве, но благодаря нашим поступкам и мыслям, празднующий в человечество Свое воскресение: "так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне".

Такое преобразование нравственного жизнеощущения имеет следующие важные аспекты: некогда в вину человеку вменялись отдельные действия и проступки: они требовали искупления. Ныне, с точки зрения горних миров, много более серьезной провинностью зачастую является то, чего мы не сделали. Мгновения, когда жизнь возлагала на меня надежды, а я бездумно их пропустил; истина, за которую мне помешала вступить трусость; социальная справедливость, в осуществлении которой я активно (хотя бы в сфере идей) не участвовал; прекрасное, к которому и был еще слишком глух, и священное, которое и не сумел принять с должным благоговением, - все это однажды предстает перед пробуждающейся душой, понижая ценность ее бытия. Активная ответственность, а не просто неделание зла - вот что составляет духовное достоинство человека в сфере Христовой.

Так в духовной ретроспективе душа проживает скрытое действие своих дел и помыслов.

Она может наблюдать тончайшие ответвления, отражающие последствия ее поступков. Например, она прослеживает путь, денег, по всем правилам вложенных ею на земле в банк с расчетом получить с них проценты; теперь она видит, как они в форме капитала перешли к предприятию, быть может негативным образом отразившись на социальной сфере: в зависимости от того, что именно эти предприятия происходили или как эти деньги, перейдя в сферу экономики, применялись в целях эксплуатации людей. После смерти душа ощущает сопричастность к вине других, если на земле жила на дивиденды или проценты от вредных или несправедливых с социальной точки зрения производств. Она болезненно чувствует, что ее собственное существование обеспечивалось за счет ущемления всего человечества или собственного ее народа: она ощущает необходимость восстановить кармическое равновесие.

Поскольку умершие пробуждаются к такой детальной оценке своей жизни и проникаются ощущением братства со всем мировым бытием, в них зреет мудрость, которая учит смотреть на мир "социально", в самом глубоком смысле слова. Так, например, ученые выносившие в своих кабинетах некие идеи и восторженно провозглашавшие их с кафедры, после смерти видят мощные воздействия, каковые результаты их научных изысканий оказали на тысячи и миллионы людей. Именно в XX веке это происходит в иных масштабах, чем раньше, ибо мыслеформы XIX века воплощались в жизнь радикально и быстро. Дарвинистские идеи происхождения и развития породили материалистические воззрения, грозящие погасить в человеческом существе вечное и индивидуальное; физические и химические открытия нашли применение в современной технике и полностью изменили экономическую жизнь Земли. Подарив человеку машины, они должны бы освободить его от тяжелого труда, сберечь его силы для других занятий. Однако ныне они разрушили здоровые формы жизни и

породили ужаснейшие способы ведения войны. Понимая все это после смерти, души испытывают глубочайшее потрясение. Перед ними предстает скрытая взаимозависимость всего сущего - человека с человеком, народа с народом. Земли с Космосом. Души прозревают, что развитие одного существа всегда обусловлено жертвами другого и сколь неразрывно истинное благо одного связано с благом целого. Поэтому они способны получать из своих зрелых жизненных обзоров инспирации и жаждут послать эти инспирированные познания на землю. Ведь они испытывают глубокое удовлетворение, когда приобретенная ими жизненная мудрость вливается в души живущих на земле людей. Для них самих это означает прогресс в духе, ценность их существования возрастает.

Всякий раз, когда в мудром переживании своей земной судьбы и в нравственной самооценке своих земных дел умерший достигает света Христова, из его жизненного обзора в мир людей проливается благодатный дождь инспирации. В сущности, земные люди не могли бы жить без этой помощи, как пашня не может плодоносить без дождя.

Рудольф Штейнер не раз указывал, что необходимые человечеству в будущем великие социальные идеи мнятся из мира умерших, и прежде всего мысли, способные упорядочить и преобразовать экономику (вплоть до основополагающих ее понятий). На первый взгляд это кажется парадоксальным. Однако следует учесть, что из выстраданного, добытого в нелегкой борьбе жизненного опыта, на который смотрят уже с достаточной дистанции, рождается истинное братство. Потрясения судьбы, в первую очередь признание собственной вины и воля к искуплению, должны утихнуть, только тогда они превратятся в благословенную для мира мудрость.

В стихотворении "Хор мертвых" Конрад Фердинанд Майер с огромной серьезностью говорит о глубочайшем интересе умерших к земным делам и ходу истории человечества. Умершие заявляют:

Мы вес еще ищем деянья людского.

Чтите и жертвуйте ибо нас много!

Мало-помалу постигая происходящую ныне коренную перемену нравственных ощущений, можно прочувствовать и справедливость слов о том, что Христос стал судьей в царстве умерших. Но Он не судит. Подобно зеркалу, Он лишь отражает пользу и вред наших дел для мира в целом.

В былые времена скверный поступок, грязные помыслы, какими мы причинили вред и обиды другим, стояли перед душою как укор, как требование восстановить нарушенное равновесие: теперь к этому переживанию добавляется еще одно. Стремиться восстановить равновесие, следуя принципу "око за око, зуб за зуб", далеко не достаточно. В конечном счете человечество шагало бы навстречу гибели, если б над его провинностями вершился лишь суд, по исцелению. Однако недостаточно и совершить позднее хороший поступок взамен плохого. Вина, из которой делают выводы, способна высвободить в душе высокие силы любви. Отдельный поступок и боль, пережитая из-за него, могут призвать волю к поискам новых целительных сил, возможностей плодотворно применять обретенный опыт в других сферах жизни. В духе Христос учит строить искупительные поступки (карму) с позиций прогресса человечества - пробиваться из узкого круга судьбы к великим задачам эпохи, к спасительным целям мира. Он вдохновляет души к превращению зла в высокое благо. Воскресший хочет объединиться с проступками и провинностями человеческого существа, чтобы и познанием извлекать из них все более могущественные силы любви, способные исцелить мир: "Вот Агнец, Божий, который берет на Себя грехи мира".

Итак, в царство умерших должны переплестись два переживания: переживание кармы и встреча со Христом. Лишь сообща они рожают новый свет, благодаря которому восходит солнце в сфере духа. Для многих душ этот важнейший миг настаивал, если в посмертной жизни они шли ему навстречу. Я говорю о полном пробуждении. Души вступают в такой свет, по сравнению с которым вся земная жизнь в прежнем образе кажется лишь грезой и полумраке.

Евангелия отчетливо указывают на это духовное пробуждение душ. Всюду, где говорится о возвращении Христа на облаке, подразумевается этот факт, прежде всего чисто духовный. В своих Посланиях апостол Павел неоднократно описывает это переживание: "Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое" (2 Кор., 5: 10). И все же он неоднократно указывает, что событие это могут пережить и души, еще пребывающие в земном теле. Мир нравственности - а он есть царство пробуждения умерших - в решающие мгновения стремится уже здесь явить свой свет душевному оку. Тогда он становится вдохновляющей силой судьбы на всем земном пути. Пробуждающий зов духовных сфер проникает в человеческое сознание. Это глас "труб", о которых говорится у Павла и в "Откровении" Иоанна. Они потрясают сокровенные глубины души; снимают покров с кармических тайн. Так опыт мира умерших позволяет еще здесь, на земле, испытать судьбоносные переживания. Христос стремится стать водителем нашей судьбы, в совершенно новом смысле слова.

Рудольф Штейнер не раз говорил об этом переживании Христа, которое начиная с XX века пробуждается в отдельных душах и постепенно охватит все человечество. Духовная наука Рудольфа Штейнера, по своей глубочайшей сути, есть возвешение нового откровения Христа в царстве душ.

ОБ ОБЩЕНИИ С УМЕРШИМИ

Мы намеренно обошли здесь вопрос о том, как следует общаться с умершими. Он затрагивался лишь в связи с религиозным культом. Ведь по понятным причинам именно в эту область примешивается так много эгоистических чувств - печаль, сковывающая устремленную ввысь душу, и любопытство, забрасывающее умерших вопросами.

Спиритизм стремится притянуть мир умерших вниз, к себе, вместо того чтобы дать земным душам подняться к этим высям. Он мешает развитию умерших душ, коль скоро ему вообще удастся проникнуть в их сферу: часто он создает для живых на земле всего лишь мир иллюзии. Натиск, какому подвергают умерших спиритические сеансы и всяческое медиумическое вопрошание, вредит прежде всего душам, которые еще испытывают сильную тягу к земле. Освобождение от этой тяги - одна из важнейших задач после смерти. Души, медиумически принуждаемые или хотя бы влекомые к манифестации в земной сфере, могут испытать большие трудности с развитием чисто духовной активности.

На рубеже XIX-XX веков религиозные традиции Запада во многом угасли. На фоне материалистического настроения потребность в ясном откровении духовного была вполне понятна. И так или иначе подергать запертые двери царства мертвых пытались в ту пору не самые плохие из людей.

Вспомним, к примеру, Карла дю Преля. Однако в наше время, когда врата духовных миров вновь распахнулись, когда в недрах душ действительно есть силы, способные проложить стезю к сверхчувственному познанию - в наше время спиритизм уводит душевные силы от надлежащего направления в развитии. Ныне медиумизм и любой форме - прегрешение против доброго духа времени.

В познании нам должно поддерживать тот глубоко сокровенный настрой, о котором Гёте и "Фаусте" пишет так: "И дух твой будет полон сил, когда ответит духу - дух!"* Лучшая подготовка к изучению этого языка душ на котором умершие могут объясниться с земными людьми - формирование мыслей, полных внутренней энергии, ибо они могут ввести нас в мир умерших. Ведь любое представление, не просто комбинирующее факты чувственного мира, по активно устремляющееся за его пределы, пробуждает силу, которая увеличивает свободу души. Это силы воскресения, и поначалу они действуют лишь и мышлении, когда наши чаяния и познание устремляются к горнему миру. Этому воскресению в мышлении сопутствует оживленная сила воли, сбрасывающая телесные

оковы, в плену которых она обыкновенно пребывает. Такие силы воскресения присутствуют в образах и ритме тех двух сцен, где Гёте изобразил "вознесение Фауста", по еще более полно мы находим их в антропософских идеях о познании судьбы и развитии души. Такие мыслеформы, если они воспринимаются не догматически, а развиваются в свободном творческом представлении, непосредственно соединяют нас со сферой умерших. Ведь с помощью таких мыслей умершие пробуждаются к своей самости также, как мы здесь пробуждаемся с помощью чувственных восприятий. Умершие вообще могут бодрствовать лишь в стихии мировой идеи. Они нуждаются в людях, несущих им этот духовный свет. Душа, живущая на земле, излучает для них духовные жизненные силы, если она прониклась подобными мыслями и ощущениями. Засыпая, мы каждую ночь переносим в мир душ оживленные волей мысли, представления, активно затрагивающие область духовного, а тем самым обеспечиваем умерших питательными силами.

В древних культах умершим приносили в жертву животных; вытекающая вместе с кровью жизненная сила жертвенного быка или барана должна была дать пищу их душам. Посредством тепла крови они пробуждались к ощущению бытия. Вспомним, как Одиссей в подземном мире приносит жертву павшим героям Троянской войны. Ныне души, переступившие порог смерти, благодарно впитывают свет мыслей, идущий от одухотворенных людей. С его помощью крепнет их сознание: они же в ответ могут вливать в земные души все то, что открывают им духовные миры. Меж двух миров возникает взаимообмен, поначалу во время сна. Иные удачные идеи, осеняющие нас поутру после трудного дин. радостная решительность, возросшее доверие к жизни - вот дары умерших. В такие ночи нам позволено дышать воздухом мудрости.

С точки зрения встречи с умершими особенно важны мгновенья засыпания и пробуждения. Рудольф Штейнер советовал обращать внимание именно на эти тонкие переходы, обычно с легкостью ускользающие от нынешнего сознания. Например он говорил, что засыпая, можно обратиться к умершим с вопросами - с волнующими нас великими вопросами бытия мы с совершенно личными вопросами о судьбе, - и тогда в миг нашего пробуждения умершие дадут нам на них ответ. Происходит это следующим образом: вопрошающий и отвечающий словно бы меняются местами, как при отражении в зеркале. То, что мы, задавая вопрос, несем в мир душ, возвращается к нам и форме вопроса, задаваемого умершим. Ответ же, который придет утром, поднимается из глубин нашей собственной души, будто его дает наше собственное Я. Такого глубокого взаимопроникновения достигают в царстве душ умершие и живущие на земле.

Необычайно важно глубоко постичь судьбу в земном бытии и сообщить это знание умершим. Оно окажем им большую помощь в переработке собственной их жизни. Они возвращают подлинную жизненную мудрость и как раз на основе таких истин - нередко добытых спустя многие годы после смерти - способны инспирировать нас. Для них огромное счастье - вершить подобные дела и отыскивать вопрошающие души, которым можно послать ответы в духе.

Неосуществленные жизненные цели - к примеру, творческие планы, оставленные здесь как фрагменты, - могут изливаться от них в земные души в виде творческих сил. Так многие дарования и вдохновенные наития, которые мы с восхищением зовем "гениальными" и которые порой совершенно непостижимым образом проявляются в какой-либо личности, суть инспирации из царства умерших.

Однако возможно и додумывать за умерших начатые ими дела или взлелеянные в глубине души идеалы. Нужно прочувствовать, как кто-нибудь из почитаемых нами умерших действовал бы в той или иной ситуации: например, мужественно вступился бы за некое дело или примирил бы спорщиков... Это позволит ему излить свой благодатный свет в душу, которая, благоговейно вспоминая о нем, старается найти единение с его силами. В первую очередь такая связь важна, когда приходится воспитывать детей или опекать молодых людей, чей отец или мать уже умерли. Умерший обретает возможность

участвовать в развитии своего оставленного на земле ребенка. Из горнего мира он может охранять сто и вести.

Умершие помогают не только в отдельных делах: в еще большей степени их помощь проявляется как раз там, где необходимо что-либо предотвратить. В собственной жизни, возвращаясь памятью к поворотным моментам, когда удалось избежать чего-то, что поначалу казалось заложенным в судьбе, или когда якобы волею "случая" несчастье обходило нас стороной, мы именно в таких поворотах чувствуем вмешательство мира умерших. Наши поступки и чаяния отмечены тем большим доверием к жизни, чем больше мы проникаемся ощущением близости мудрых умерших.

В древних мистериальных кругах даже занимались сознательным воспитанием духа, чтобы прекратить отдельные души в носителей сил и планов великих умерших. Личность, обретшая достаточную прозрачность, дабы через нее могла действовать высокая водительствующая личность ни царства умерших, называлась "лебедь". Вокруг людей, способных нести на земле импульсы из горних сфер, словно бы шумели крыла духовного мира. Таким образом возник, например, орден "лебединых рыцарей". Но по поводу легенды о Лознгрине Рудольф Штейнер заметил однажды, что в ней идет речь об определенной ступени духовного сознания.

Но дело вовсе не в том, чтобы рабски исполнять волю умерших. Боязливое следование их воззрениям и последним желанным никоим образом не входит в их интересы. Нередко они уже спустя короткое время смотрят на собственные земные взгляды как на нечто чуждое. Ощущают их как преодоленные жизненные иллюзии. И тогда для них особенно мучительно, что близкие на земле по-прежнему руководствуются этими взглядами. Вопрос о том, когда следует соблюдать "пиетет", а когда смело его нарушать, требует особой деликатности. Иначе можно "пригвоздить" умерших к их былым представлениям и намерениям. Тогда для индивидуальности, устремленной к дальнейшему развитию, прошлое становится распятием в духе. А чтобы воскреснуть, ей необходимо именно "снятие со креста".

Сколько же оболочек - из повседневной жизни, наследственности, давнего окружения - откладывается на человеческой индивидуальности в ходе земной жизни, сковывая ее и затемняя! Но в воспоминании о ней можно приблизиться к эмбрионам сил будущего в ее существе. Тогда удастся разглядеть ее подлинным духовный образ. Так можно стать ей помощником в продвижении по духовному пути. Конечно, при этом возможны и многочисленные заблуждения; человек с легкостью приписывает свои излюбленные идеи другим и редко достаточно подвижен, чтобы прочувствовать переживаемое другим с его позиций и отдать должное его устремлениям. У людей, поставленных земной судьбой в условия, когда они зачастую вынуждены действовать не по собственному разумению и все же сохраняют при этом внутреннюю свободу, созревает способность проникаться любовным ощущением духовной энтелехии умерших. С помощью целенаправленных упражнений можно добиться такой активной самоотверженности, которая исподволь превращается в орган восприятия царства умерших. Отсюда и проливается свет на наше отношение к великим индивидуальностям минувшего. Есть биографии, составленные самым прилежным образом, но поистине сковывающие в духе данную индивидуальность. В частности, таковы некоторые биографии Гёте. У внимательного читателя они оставляют ощущение заботливо склеенной яичной скорлупки, из которой вылупилась птица, - осколки и осколочки искусно соединены друг с другом, только вот птица улетела в неизвестном направлении.

С другой стороны, жизнеописание, раскрывающее борения и созревание великого человека, может стать превосходной отправной точкой, чтобы установить сверхчувственную связь. Всякое приукрашивание, в том числе и в надгробных речах, лишь мучает умершего, ибо в душевной сфере неправда затуманивает его сознание. Всякая привязанность к незначительным мелочам, хотя бы и "правдивая" в земном смысле, налагает на него окопы. Н? продолжение их начинаний в замыслах и де. чах. даже

исправление ошибочных мыслей и поступков, - действия спасительные, расширяющие сферу активности умершего. Высказывание "о мертвых ничего, кроме хорошего" следует углубить в этом направлении, иначе оно может завести в тупик.

Когда описываешь судьбу умершего - его смерть, его жизненный путь, - для него важно, чтобы ты исподволь дал возможность раскрыться ведущему духу, сокровенному плану его земной участи. В любой земной жизни есть мгновения или персонажи, которые ярко запечатлены в картине жизненного пути человека и из которых проглядывает лик гения. Что позволяет приблизиться к духу-хранителю умершего. Возникает ощущение глубокой благодарности, в том числе и к фактам жизни, что на первый взгляд кажутся неудачами. Эта благодарность ко всей жизни, рожденная из ощущения мудрого водительства, - одно из главных чувств, способных объединить нас с умершими. А вот неблагодарность к жизни как таковой сплетает плотную занесу меж миром умерших и нашей душой. Установленная же связь с гением умершего создает сферу чистого и плодотворного общения. Полезно, например, обращать мысли, в которых мы просим за умершего на его духовной стезе, его ангелу. На протяжении четырех лет Первой мировой войны Рудольф Штейнер обыкновенно начинал большинство своих лекции, даже по естественнонаучной и исторической тематике, молитвой за солдат на полях сражения и за павших на войне. При этом он всегда взывал к духам-хранителям этих душ. Все угнетающее умершего, все эмоциональные принуждения преодолеваются легче, если посылать мысли в ангельские сферы. Мы учимся думать вместе с ангелами и смотреть на судьбы их глазами, а значит, духовно берем на себя какую-то их часть.

Существует и эгоизм умерших, липнувший к душам живых. Говоря об отношении к умершим, необходимо упомянуть и об этом. Порой потребность в жизненных силах и жажда света во тьме настолько усиливает этот эгоизм, что он запутывает и тяготит душевную жизнь оставленных на земле близких. Но души вовсе не злы, просто временами они вынуждены втайне подрывать силы связанных с ними земных людей. Живущие на земле могут совершенно не сознавать этого, ощущая лишь дурной настрой, особенно угнетенность воли. Вредное влияние умерших способно отражаться даже на здоровье, однако мы упоминаем сей факт лишь постольку, поскольку он принципиально важен для душевной позиции. Дело в том, что мы отнюдь не помогаем умершим, пожирающим земные жизненные силы, если отдаем им свои чувства и позволяем перетянуть себя в их круг, отчуждаясь от земных интересом.

Пассивно предоставляя собственные силы во власть неизвестных сторон души, люди только усиливают эгоизм таких умерших, а значит, препятствуют их восхождению. Напротив, принимая в свою душевную тьму духовный свет от живущего на земле, они меняются, переставая тяготить, и приближаются к его душе, внимая ей в чистой открытости. Спиритуальные познания, согреты е мыслью об участии в судьбе умерших, - вот нища иного мира. Души, чьи медитации отмечены подлинной духовностью, и места, где совершаются культовые действия, проникнутые Христом, постоянно излучают в мир умерших спасительные силы. Чтобы избавить умерших от тьмы, а души - от жалкого существования, просьба за них должна быть пронизана светом духа. В этом заключается и самая действенная защита от разрушительных потоков, которые могут выплескиваться из определенных областей царства умерших.

РАЗГОВОР НАД МОГИЛОЙ

"Хочешь путами привычки
Крыла мои лишить движенья?
Дух толкаешь к теней стычки -
алчет он лишь примирения.
Испарениями тлена
Дышит суета земная.

Сможем вырваться из плена.
 Лишь себя преображая".
 Да, я вижу, ты взлетаешь,
 Побеждая тяжесть эту.
 Крылья мощно расправляешь -
 Воспарить с любовью к Свету.
 Не бросай меня в темнице.
 Покажи: сквозь чувств тревоги
 Созерцанья жар струится.
 Чистый огонь любви в Боге.

ОБ УМЕРШИХ МОЛОДЫМИ

Для посмертной жизни огромное значение имеет возраст, когда душа покидает тело. Детям, умершим в раннем возрасте, не приходится затрачивать много времени на переработку земной судьбы, поэтому они скорее соединяются с ангельской сферой и выполняют ее поручения. Рудольф Штейнер показывал, что они с особенной живостью способствуют нашему пробуждению и приносят нам нести, вызывающие у нас набожный настрой.

Они сохраняют особую близость к земным людям, жаждут через наши мысли и чувства участвовать в земном бытии. Детей, ушедших из земной жизни до четырнадцати лет, в Общине христиан погребают не так, как людей, достигших земной зрелости. Ведь ныне и духовной жизни самое главное - продвигаться от общих ощущений к конкретному познанию. В соответствии с этим нужно строить и культовые действия. Душу ребенка провожают к всемирному духу иные ритмы и символы, чем душу зрелого человека. Душа умершего младенца или отрока посвящается Святому Духу, дарящему свет миру. Мир нуждается и жертвенных силах юности, ибо через их посредство он молодеет и одухотворяется.

Да и судьба самой индивидуальности в мире умерших во многом определяется неизрасходованными полетными силами, нереализованными талантами. Она переживает царства духа, не отягощенная земными ощущениями; ее представления еще не закоснели под влиянием земного рассудка, и оттого ей легче обрести связь с жизнью ангелов. Идеализм, полетную силу духа понесет такая душа в грядущие круги земной жизни. А нереализованные дарования, как свидетельствуют духовнонаучные исследования Рудольфа Штейнера, могут проявиться в будущей жизни еще ярче и активнее. Как сила будущности способность непосредственно воспринимать различные жизненные явления и откликаться на них делом проистекает из ранней смерти. Такие душевные качества, если мы встречаем их здесь, едва ли не всегда отличают людей, некогда прошедших через раннюю, в особенности жертвенную, смерть и теперь живущих умноженными силами юности.

К павшим на войне народы издревле относились с особым почтением. Учение германцев о войнах-эйннерниях, которые собираются в божественном чертоге, чтобы в ристаниях готовиться к последней великой мировой битве, великолепно отражает их духовный взгляд на царство мертвых. Приноси жертву народному духу и мужественно отдавая силы своей юности, воины обротают особенно светлую связь с божественным миром. "Валькирия" возносит их в чертог богов... Люди чувствовали, что душа, принеся подобную жертву, воссоединяется с ангелом уже в миг смерти и признана к свершению особенно высоких целей, духовных задач. Считалось, что некоторые из них служат Фрейе, иными словами, жизненные силы, мужественно принесенные ими в жертву, омолаживают силы народа, как бы оживляя и окрыляя тела грядущего поколения одухотворенными эфирными силами. Ведь Фрейя - богиня вечной юности. Остальные же собирались в чертоге Отца богов и закаляли свои силы в духовных схватках. Эти души

сберегаются на случай грядущего бедствия: когда наступят "сумерки богов", они вновь перейдут мост, связующий мир умерших с миром живых.

Мудрость провидцев говорит о том, что однажды они будут участвовать в великой битве, когда освободившаяся силы подземного мира (Локи и его дети) пойдут войной на царство богов и уничтожат его, но затем из гибели священного прошлого родится новый, одухотворенный мир будущего - царство, которое воздвигнет Видар, грядущий бог. И так, пророчество германцев указывает, что смерть в бою, жертвование жизнью в порыве благородного восторга подготавливает души к великой борьбе с затмением духовного мира, которая ждет их в будущем. Таким образом как бы слагается племя идеалистов, свидетелей духа, которым должно выступить в определенный поворотный момент истории. Образы моста и последней решающей битвы внушают догадку, что мысль о реинкарнации уже бытовала среди германских провидцев. Если бы все люди умирали в своей постели и вступали в духовные миры обессиленными, отягощенными земным беременем, материализм одержал бы верх. В этом смысле некогда еще были возможны "священные войны" и в вооруженной борьбе вполне могло ощущаться нечто богоугодное.

Однако мы живем в совсем иные времена. Во-первых, потому, что Христос явил Себя в земном бытии и открыл новые источники омоложения всякой жизни духом. Во-вторых, потому, что подчинение всей земной культуры силам техники лишило войну остатков божественной святости. Пережитая человечеством Первая мировая война стала в этом смысле воистину поворотным пунктом мировой истории. Потому что в ней впервые проявилось торжество машин над силами людей. Многие миллионы душ на собственном горьком опыте познали бессилие личностных качеств перед необузданной мощью техники, невзирая на весь героизм, который, несомненно, был присущ этой охватке народов. Хотя борьба шла за самые разные земные цели, эта война нее же была общим для всех западных народов судьбоносным переживанием. Они столкнулись с разрушительными силами своей гордой цивилизации.

Говоря о судьбах эпохи мировой войны. Рудольф Штейнер всегда находил слова, пронизанные высочайшим светом, был утешителем в смертной тьме тех времен.

Погибшие в той мировой войне имеют общую духовную судьбу, преобладающую над всеми международными противоречиями. Они пронесли через порог смерти мучительный опыт. Из этого опыта родится могучий свет - солнце познания взойдет в божественных мирах.

Совсем по одно и то же - жить на земле и знать, что вообще-то машина ни в коем случае не должна поработать человека и что в конечном итоге техника признана только служить человечеству ради его величия и обогащения, или приобрести это знание кровавой жертвой, а затем пережить его сообща в горнем мире.

Для погибших на той великой войне свет этого знания к будущему способен обратиться и воодушевляющую волю.

Новое воинство духа может возникнуть из такого сообщества судьбы. Апокалиптические видения Иоанна отображают в образе схватки Михаила с драконом мировую битву за судьбу Земли. Архангел сражается за божественное назначение человека, которому грозит гибель.

Из павших в той войне должно возникнуть воинство Михаила. Будущему необходимы души, объединенные как бы в огромные духовные сообщества и призванные в условиях упадка земной культуры вернуть первообразу человека былое сияние. Такие сверхчеловеческие и казалось бы, напрасные жертвы могут стать основой мощного обновления всякой духовной жизни на Земле. Все зависит от того, в какой степени земные люди ищут инспирации мира умерших и впускают их благословенную силу в свои каждодневные помыслы и дела.

Касаясь безмерных страданий и загадок человеческих судеб в период Второй мировой войны, опять-таки следует говорить и о совершенно другом. Ведь эта опустошительная буря, и которой земные люди и народы были всего лишь слепыми орудиями, собралась

именно оттого, что на земле не были восприняты инспирации мира умерших. Отвергнутые человечеством духовные дары превращаются в нечто совершенно иное. Не находя на земле сосудов, куда они могли бы излиться, благословенные горние силы как бы собираются в тучи и создают взрывоопасное напряжение, оборачиваясь тем, что на языке Библия всегда именовалось "гневом Божиим".

Там, где отрицают дух, неизменно льется кровь. Однако в кровавой жертве, в безвременной смерти пробуждаются к духу души, отрезанные от него на земле своею эпохой. Материализм и катастрофы цивилизации - ведь только так и можно назвать нынешние "войны" - взаимообусловлены, согласно неумолимому закону.

*УШЕДШИЕ
О САМОУБИЙСТВЕ*

ДО

СРОКА

Петь светила - для тебя незримы. - Что растут, своим огнем палимы. Мощно проживая в небе путь. И летят, не устая, в вечность, Лишь давая чужь бесконечность, Чтоб от смертных взоров ускользнуть.

В гости приглашенные Землею.

Дети неба входят к нам порою.

Как кометы - на один виток:

Внешний блеск и боль, и удивленье

И сердце примут, чтоб благоговенье

С нами разделить, на краткий срок.

Покружить - закон их самый строгий:

Зовы нескончаемой дороги

Гонит их оставить тяжкий труд.

И они отведав от страданий,

Страх и ожиданье всех созданий

К трону Утешителя несут.

И туда, где в Боге совпадают

Все пути, отважно поспешают,

Весть неся из дальнего конца -

Но гонцами вести благодатной

Вновь спешат дорогою обратной.

Чтоб войти в иссохшие сердца.

В наше время (статистика говорит об этом с неумолимой ясностью) невозможно избавиться от впечатления, что мы имеем дело с эпидемией, поражающей душевные основы современных людей. Тяга к самоубийству связана главным образом с определенным заболеванием человеческого Я: нарушенным ощущением самости или отсутствием способности соединить себя со смыслом земного развития.

Истинное понимание духовного мира и назначения человека станет в будущем единственной силой, способной противостоять соблазну самоубийства и даже исцелять от этого недуга.

В дохристианскую эпоху самоубийство имело совершенно иное значение нежели теперь, после явления Христа в земном бытии. Оно могло быть выражением благородства, когда воин не хотел сдаваться в плен, когда свобода была для него жизненной необходимостью. Ощутить сокровеннейшую свободу, свободу в окопах, он еще не мог. На Востоке, чьи духовные устремления по сей день направлены прочь от земли, безусловно, живет иное отношение к этому акту отказа от жизни. Достаточно вспомнить священные обычаи, во исполнение которых люди добровольно лишают себя жизни, следуя за умершим супругом или повелителем. Поэтому можно говорить о двух основополагающих установках, толкающих человека на самоубийство. Первая связана с тем, что вышеупомянутый восточный настрой продолжает господствовать в недрах человеческой

души. И тогда желание умереть, прямая противоположность жажде жизни, может изгнать душу на земного тела - так насекомое летит на огонь, чтобы сгореть в нем. Особенно подвержены такому искушению души восточного склада, живущие в условиях западной цивилизации и наблюдающие, как техника обездушивает все земные отношения. Они отрицают инкарнацию, их воля к жизни разбивается. Таким душам, которых в будущем станет появляться все больше, могут дать опору лишь возникающие внутри бездушной цивилизации жизненные сообщества, где будет поддерживаться духовное братство, будет присутствовать живой интерес человека к человеку.

Противоположным образом обстоит дело с душами, которые слишком глубоко погрязли в технизированных формах жизни или непомерно развили земные силы воли (например, в современной конкурентной борьбе), а в результате незаметно для себя пропитались низменными силами. Темп самими, что вызывают обездушивание и опустошение всей жизни. Источая гибель, они подрывают здоровое жизнеощущение, как бы накапливают в недрах души взрывчатые вещества. И тогда достаточно какой-либо кризисной ситуации - сорвавшегося плана, угрозы благополучию или тяжелого сердечного разочарования, чтобы в душевной жизни произошел взрыв.

Просветление современного сознания подлинным пониманием судьбы, но прежде всего инспирированная Христом мудрость о смерти - лекарство от этой болезни. Оно как бы разряжает накопленные в душе глухие уничтожительные порывы.

В принципе нередко можно наблюдать, что задолго до самоубийства человеческое Я начинает потихоньку удаляться с арены действия, оно как бы отдает свою телесную оболочку (свои таланты, стремления и привычки) во власть чуждых сил, которые отныне действуют в нем с определенной неизбежностью, шаг за шагом отключая в средостении души свободу осознанного действия. Место подлинной индивидуальности занимает своего рода "двойник". Его-т? и нужно побороть.

Здесь могут помочь, например, упражнения в чисто волевой инициативе поначалу опробованные на мелких повседневных задачах, и интерес к подлинно человеческому в непосредственном окружении или в истории человечества. В условиях современности: эти средства могут особенно укрепить человеческое Я. Ведь ныне необходимо постоянно бороться с этой болезнью постепенного самоопустошения.

Душе, перешагнувшей порог смерти в результате самоубийства, приходится с особой силой бороться в горних мирах за новое Я-сознание. Поскольку она малодушно отвергла земную судьбу, ей трудно сделать плодотворные выводы из ретроспективы своей жизни. Зачастую проходит очень много времени, пока ей удастся переработать в духовном свете последнюю земную жизнь и двинуться дальше. Главное - теперь она понимает, что, совершив тот или иной поступок, она никоим образом не избежала своей судьбы. Все, от чего она хотела уйти, ей придется пережить снова, хотя и по-другому.

Такой душе обычно очень трудно увидеть во Христе, которого она к смерти отринула, смысл всего немного, а в человеке - самую священную божественную цель. Поэтому она рискует попасть на службу к существам из царства теней, которые стремятся уничтожить земную цель.

В посмертной жизни таким душам нужна особенно сильная и жертвенная духовная помощь. Разумеется, церковный обычай, исключая тех, кто отверг сам себя, из христианского сообщества (к примеру, отказывая им в погребении), никогда не был проникнут духом подлинного христианства. Подлинное христианство не судит. Оно верит и надеется, иная, что любовь Христова способна озарить светом самую непроглядную тьму.

ДУШИ В ЗВЕЗДНОМ ЦАРСТВЕ

До сих пор мы пытались понять мир умерших как бы изнутри. Однако существует и космическая точка зрения. Древние греки верили, что после смерти их герои возносятся в

звездные выси, и потому называли их именами созвездия. Еще Платон писал в "Федре" о том, как сонмы блаженных кружат по сферам планет и как, живя на земле, люди ощущают душевное сродство или воспламеняются друг к другу горячей любовью, ибо меж смертью и новым воплощением они жили вместе в тех же звездных сферах. На Востоке такие воззрения были распространены очень широко. К примеру, надпись на одном из сирийских надгробий гласит:

Два племени должно среди смерти детей различать: Одно в глубинах Гадеса сокрыто, в земле обитая. Другое в высях небесных с звездами танцует: Таков же и я, ибо водителем мне был божественный муж.

В Евангелиях встречаются оба подхода - как космический, так и внутренне-духовный, там, где речь идет о вечном в человеке. В Евангелии от Матфея Христос говорит о "царстве небесном", подразумевая под этим звездные сферы в древнем понимании. У Луки же в соответствующих местах постоянно говорится о "царствии Божиим", потому что он придерживается больше внутренней точки прения. В средние века то и другое без раздумий еще соединяли воедино. Свидетельством тому небесные песни Данте. Однако с развитием современной астрономии стало невозможно представлять себе мир блаженных в звездных даях. Холодное, пронизанное лишь механическими законами пространство заняло место одушевленных и населенных духами эфирных сфер. В материалистических кругах стали иронически посмеиваться над нехваткой моста для душ в Космосе.. Передки были и попытки опровергнуть с помощью таких грубых представлений веру в бессмертие. В сущности эти механистично-математические формы мышления, лишаящие Вселенную какой-либо одушевленности, поколебали ощущение горнего мира, а тем самым подорвали связь с умершими значительно больше, чем готовы признать религиозные круги. Представление об умерших как о жителях исключительно "потустороннего" мира, по имеющих никакой связи с нашей Вселенной, в самом деле рвет узы связующие два мира, Судьбы умерших, пути их странствий в духе и сферы действия вновь предстанут перед нами с полной живостью, только когда весь Космос явится нашему взору пронизанный духом. Укажем теперь несколько аспектов, которые на основе духовнонаучных исследований Рудольфа Штейнера позволяют ныне выстроить такое мировоззрение, несколько не отрицая при этом больших успехов, достигнутых математической астрономией.

Нашу планетную систему можно представить себе в виде огромного организма. Отдельные планеты связаны в нем меж собою живой связью, подобно органам. В теле имеются более и менее благородные органы, и все они одинаково необходимы для целого, какую бы функцию ни выполняли - принимающую, перерабатывающую или выделительную. Все они включены в живую циркуляцию соков и сил; подобным же образом парят и звезды в мощных эфирных потоках и круговоротах Вселенной, преобразуемых и одушевляемых каждой звездой, будто телесным органом. В этот мировой организм постепенно переходит душа, освобождаясь от земного тела. Словно несомая волновыми кругами, она растет от сферы к сфере. Все более крупные жизненные взаимосвязи вбирают ее в себя, и вместе с ними она, скромное звено единого целого, призвана к все более и более высоким делам. Для средневекового человека звезды тоже были не столько небесными толами, сколько обителью блаженных, недаром Данте говорит об эфирных сферах, ограниченных звездами и в то же время пронизанных и пропитанных их сиянием, как о местах обитания блаженных духов. В этом есть определенное зерно истины, хотя сегодня мы, конечно, уже не можем признать древнюю астрономию как таковую. Духовная космология непременно учитывает и пути, проходимые душами умерших. Ведь невозможно представлять себе за пределами земной атмосферы лишь безжизненный мировой эфир в смысле естественнонаучных гипотез, Этот мировой эфир пронизан нравственными силами. Природное и нравственно-духовное мироустройство в этих высях и даях все теснее переплетаются друг с другом.

Итак, сначала душа, ступившая на стезю очищения, попадает лунную сферу. Сравнение поможет нам разобраться в происходящих с нею процессах. Подобно тому как Луна обращается вокруг Земли, когда-то вытолкнувшей ее наружу как миром шлак, так и души умерших кружат вокруг земного бытия. Желания по-прежнему привязывают их к тому, что они покинули. Как и Луна, они еще в плену земного тяготения. Отжившие ощущения, непреодоленные склонности должны утихнуть, превратиться некоего рода шлак, только тогда душа сможет полностью освободиться от них и устремиться дальше. В лунном свете умерший узнаёт оценку своей жизни. Лишь освобожденные силы дадут ему возможность устремиться к новому средоточию жизни. Он перестает быть "спутником Земли", теперь он стремится к Солнцу, к сердцу мира.

Путь от Луны к Солнцу - это как бы путь от космического мозга к космическому сердцу. Ведь голова способна оцепить лишь уже свершившееся: сердце же умеет почувствовать грядущее, потому что способность любить позволяет ему разглядеть под поверхностным суть. Вот почему переход к сощечному сознанию есть для умершего огромная перемена. Избавившись от прошлого - потому что непогашенные жизненные долги оставлены в лунном мире, - он омолаживается в источнике жизни. Здесь он переживает присутствие божественного бытия. Осознаёт, что он не что иное, как солнечным луч, посланным озарять мировой мрак. Космически переживает свое человеческое назначение. Его Я пробуждается в мировом Я. Но именно это и можно назвать подлинным "небесным блаженством".

Чтобы достичь "сердца мира", Солнца, необходимо пройти сферы еще двух близких к Солнцу планет - Меркурия и Венеры. Мы можем представить их себе как двух небесных помощников душам умерших. Греки не случайно дали этим планетам такие имена. В Меркурии они видели вестника богов, посредника в крылатых сандалиях - его шаги свободны от земной тяжести. Венера была богиней красоты, олицетворяющей отблеск истины. Здесь в глубочайшем смысле справедливы слова Шиллера: "В страну познания вступая через ворота Красоты..." */*?р. Шиллер. Художники. Перевод Е. Эткиида./

Не Солнце ли шлет этих посланцев навстречу земным странникам, чтобы привести их домой? Они исправляют ущерб, нанесенный на земле нашей вечной сущности. Они преображают и просветляют человеческую природу, вышедшую из очистительного огня, чтобы она сумела подняться к своему истинному прообразу. Так после смерти происходит постепенное пробуждение. А вступление в круг Солнца для нашего бессмертного Я - праздник жизни в высочайшем смысле. Здесь очищенная часть нашего существа соединяется со своим духовным первообразом. Это торжественное пробуждение, охватывающее всю нашу душу, есть собственно переживание Христа в посмертном бытии: душа соединяется с Ним с Тем, Кто прежде уже стал для нее Пробуждающим и Помощником. С чем большею чистотой и верностью человек искал и любил на земле подлинно человеческое, тем интенсивнее будет для него это переживание Солнца. Но главное - чем активнее и мужественнее он ратовал за всечеловеческое. Ибо "всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным". Христос признает человеческое Я перед всем божественным миром. Пронизывает его Своими силами. И оттого оно способно пробудиться к Космосе.

На Земле основой нашего Я-сознания служит тело. В звездных мирах всякая телесная опора отпадает. Там постоянной опорой нашего сознания становится Христос. Он пронесит наше Я через все звездные сферы. Душа чувствует, что может верить себя Ему.

До сих пор в земной жизни было вполне возможно хотя бы отчасти обрести всечеловеческое, не будучи в узком смысле слова "христианином". Человечество по-разному искало и лелеяло свои идеалы. Но знамения времени ясно указывают, что это небесное наследие, которое с незапамятных времен сопутствовало человечеству на земной стезе, ныне иссякает. В будущем, чтобы найти в земном бытии первообраз человека и проникнуться им, придется все более осознанно искать Христа. Не в конфессиональном смысле, по в познании и в переживании духовного смета, который струится от Него,

озаряя время. Иначе душе будет все труднее пройти через врата, ведущие к Солнцу. Ведь силы материализма в земной цивилизации будут все больше искажать и затемнять образ человека. Души, которые вообще не сумеют найти его во время земной жизни, неминуемо отделятся от своей вечной сущности. После смерти они будут ощущать, что солнечная сфера отталкивает их. Иными словами, в них не найдется ничего сродни духовной сфере, и она перестанет их притягивать. Такие умершие поневоле останутся в лунном мире, а если они не смогут даже очиститься, ибо умертвили в себе совесть, то вообще не сумеют выбраться из земного плена. Для них это означает, по сути, "проклятие"; в будущем Христос не сможет вырвать их из умирающего земного бытия.

Пробуждающееся в божественном свете Я способно проникнуться пониманием великих взаимосвязей мира. Как дух среди духов оно может удостоиться участия в вечных идеях Бога, узнать Его вселенские планы и узреть прообразы всего сущего. С космической позиции это можно изобразить так: дух живет в сферах дальних планет - Марса, Юпитера, Сатурна. Постепенно он пробуждается к все более и более высоким "мирам идей", достигая в конце концов зодиакального круга. Зодиак излучает ему навстречу двенадцать первоформ, на основе которых он может вновь построить свой человеческий облик. Ведь человек есть гармоничное созвучие двенадцати мировых сил, издревле запечатленных в символах зодиака, от "Овна" до "Рыб". Он несет в себе их все. Какой знак станет исходным пунктом его новотворчества, в каком из них он как бы "дома", решающим образом скажется на его земном облике и грядущих задатках. Оттого в гороскопе, составленном на час рождения, есть зерно истины. Для формирующегося человека он отражает звездные связи, на основе которых вечное Я начало сплестать себе новый образ, обретать будущие силы. Ведь из переживания этих звездных образов как бы на небесном "рубеже" человеческого странствия дух черпает тягу к новому воплощению.

Впрочем, ни в коем случае нельзя представлять себе стремление человеческого духа к сферам дальних планет так, будто он покидает солнечный мир. Достигнув сердца мира, он в самой сокровенной части своего существа остается крепко с ним связан. Вообще, необходимо преодолеть всякое слишком пространственное представление о подобных вещах, ибо, взаимодействуя, сферы постоянно пронизывают друг друга. Внутренний аспект перехода от сферы Солнца к сферам Марса, Юпитера и Сатурна можно обрисовать так: Я переходит из "мира душ" в "царство духов". В описаниях Рудольфа Штейнера подчеркивается то одна, то другая точка зрения. Нужно приучать себя видеть одновременно и духовно-нравственное, и звездно-космическое. Кант говорил о двух вещах, заставлявших его снова и снова восхищаться, - о звездном небе над головой и о нравственном законе внутри человека. С точки зрения, обозначенной здесь, можно сказать, что обе вещи, вызывавшие восхищение Канта, по сути своей составляют единство. Ведь звездный мир, где мы пребываем после смерти и чьи законы вбираем в себя, становится на Земле нашим внутренним миром, но проявляет себя в нем как откровение нравственно-благого. Гёте ощущал эту "внутреннюю Вселенную", говоря:

Теперь - всмотришь в родные недра!

Откроешь в них источник щедрый.

Залог второго бытия.

В душевную вчитайся повесть.

Поймешь, взыскательная совесть -

Светило нравственного дня.

Этот живущий в нас, действующий в душевных силах и духовных целях звездный мир - залог нашей вечности. Благодаря ему мы подлинно граждане Вселенной. Сказка о звездных талерах в изящнейшей форме высказывает ту же истину. Ребенок, оставленный отцом и матерью, уходит из дома в широкий мир. Дорогой он отдает одну оболочку за другой - его просят о новых и новых жертвах. Ведь лишь самоотверженность открывает нам все новые сферы бытия. Озябшие существа приближаются к душе, покинувшей свой земной дом. Она ощущает вселенский холод, противопоставляя ему тепло жертвенной

силы любви. Когда она отдает последнее, что у нее есть, и ребенок стоит нагой под звездным небом, на нее проливается дождь из звездных талеров, она получает новую рубашку, небесное одеяние. С этим богатством душа возвращается в земную жизнь. Теперь она поистине владеет звездным даром.

О ЖИЗНЕННОМ СООБЩЕСТВЕ УМЕРШИХ

Бывают ли "свидания" после смерти? Узнаём ли мы души, которыми дорожили на земле?

Ответов здесь много. Можно задать встречный вопрос: а вправду ли мы "видели" друг друга здесь, чтобы свидеться вновь!

Только если нас связывали вечные силы, мы сможем встретиться в вечности. Души, любившие друг в друге лишь преходящее и никогда не стремившиеся проникнуть от оболочки к ядру другого, едва ли узнают друг друга после смерти, а если и узнают, им будет печем обменяться. Их встреча обернется разочарованием, ибо оставит лишь внутреннюю пустоту. Напротив, души, которые имели на Земле общие интересы, выходящие за рамки непосредственно-будничного, станут укреплять душевные узы, завязанные уже здесь.

Душевные наклонности, проявленные на земле, и общие духовные цели - это звездные лучи, из коих сплетается звездная сеть, соединяющая душу с душой и дух с духом. Душам умерших открывается многообразнейшее звездное родство. Узнавая, что сердца недодали друг другу, умерший испытывает боль и ощущает потребность восстановить равновесие для грядущих земных жизней. Душевные ростки дружбы и любви достигают полного расцвета лишь в духовном бытии.

Сбросив затемнявшие их земные оболочки, они источают блаженство; все земное счастье лишь предвестие такого упоения.

Души, имевшие на Земле общие задачи, могут в духе с возросшими силами продолжать свою работу, сообщая стремясь к осуществлению будущих целей. А совместный труд есть высшее духовное счастье.

Существуют и довольно крупные духовные сообщества, продолжающие сотрудничать в посмертной жизни и подготавливать будущее. На основе своих духовнонаучных исследований Рудольф Штейнер говорил об особенной участи, нередко выпадающей на долю душ, которые совместно покидают Землю в результате внезапной катастрофы (извержения вулкана, железнодорожной аварии и т.п.). Совместное переживание смерти может чрезвычайно сплотить души, при жизни не имевшие друг с другом ничего общего. Общее страдание способно пробудить общие взгляды и силы. Это объединяет души для будущих совместных целей. Есть такие земные задачи, которые могут быть выполнены, только когда на Землю одновременно нисходит большое количество душ, обладающих общей направленностью воли. Поначалу эта волн будет действовать в недрах душ на подсознательном уровне и лишь в назначенный судьбою час снова сведет их вместе.

Окружение души в звездных кругах периодически меняется. Норой она больше занята переработкой своей судьбы, своего опыта, порой бывает призвана к пробуждению в мировом свете, а тем самым к сообществу с другими душами. И какой-то сфере она сильнее связана с одной, в какой-то - с другою душой; ее окружение зависит от преобладающего в данный момент круга интересов. Если у Данте души строго распределены по планетным кругам в зависимости от своих наклонностей и добродетелей, то в космологии Рудольфа Штейнера бессмертные духи переходят от одной сферы к другой, созидая друг друга и самих себя...

Общие артистические или научные наклонности связывают души в сфере Меркурия, общие силы благочестия, т.е. общее вероисповедание, - в сфере Венеры. Общечеловеческое, Христова любовь, объединяет нас в сердце Вселенной: в солнечных сферах мы провидчески празднуем грядущее великое объединение человечества,

духовную цель земли. Там уже теперь живет "невидимая церковь". То, что на языке христианского вероучения именуют "сообществом святых", в солнечной сфере, свободной от каких бы то ни было конфессиональных различий, уже стало великой реальностью.

Восхождение в высшие звездные сферы нельзя представлять себе просто как отрыв от земного бытия. Ведь звездные силы действуют и в земной материи. Особенно наглядно это проявляется у растения. В развитии корня обнаруживает себя влияние Луны, в спиралевидном расположении листьев на стебле - влияние Меркурия, в целомудренной завязи бутона - влияние Венеры, в сияющем цветке - влияние солнечной сущности. В красках и формах раскрывается действие излучений самых дальних звезд: их влияние распространяется вплоть до образования плода. На протяжении года в растительном покрове земли отражается все небо, как бы являя в земном бытии звездные письма, вот почему через мир растений умершие могут проникновенно говорить с земными людьми. Недаром люди посвящают умершим венки и украшают места их упокоения с нежностью зеленью и цветами.

Пробившись к свету, умершие каждую весну помогают ткать зеленый покров Земли. Каждый год они воскресают к свету в растущих травинках, в распускающихся цветах, помогают хлебам созревать, а плодам - наливаться сладким соком. Они незримо присутствуют во всей земной пище. В хлебе и вине мы вкушаем их зрелые силы, отдаваемые в круговороте года земному миру, чтобы освятить его любовью. Они - то, что преобразует. И теперь понятно, отчего воскресший Христос сначала явился людям в облике садовника. Мария Магдалина увидела Его как хранителя растительного мира.

Так мы таинственным образом питаемся любовью умерших. Благодаря им в природные процессы непрерывно вливаются нравственные мировые силы. Соединяя в таком подходе природу и дух, мы обретаем возможность совершенно по-новому постичь глубинную суть святого причастия.

Души людей находят друг друга в звездных сферах, сплачиваясь для совместной деятельности, но есть и другие духовные сообщества, которые тоже принимают странствующие души.

Если по завершении посмертного понимающего переживания судьбы душа соединяется со своим ангелом, то ее ожидают другие, еще более высокие встречи в духе: ей дано будет познакомиться с духами народов и водителей эпох в их высоком духовном обличье, Ее примут к себе божественные иерархии, вплоть до серафимов и херувимов. Каждая последующая ступень и определенном смысле означает новую смерть: умирая, душа пробуждается в жизни иных сущностей. Чем многограннее и выше духовные сообщества, принимающие человеческий дух, тем богаче и значительнее будут дарования и помыслы, какие он впоследствии принесет с собою на Землю. За нами по пятам идут и демоны - те, что стремятся затянуть нас в земную тьму, и те, что хотят, дабы мы растворились в свете. Вполне справедлива старинная пословица, гласящая, что чем ближе мы к Богу, тем ближе и к дьяволу. Это касается всех сфер. Душа проходит сквозь битвы богов, кипящие вокруг человека.

Однако Христос, сумевший соединить свет и тьму, учит нас отыскивать равновесие меж высями и глубинами.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

В этой книге мы говорили о силах воскресения, которые могут овладеть человеческим существом и привести его к пробуждению в духе. Но воскресение Христа из земного гроба есть нечто большее. Он отвоевал у смерти не только Я-сознание. Он отвоевал у нее духовный образ Своего физического тела.

Рассматривая тело, необходимо различать две вещи: форму, которая есть нечто напечатленное духом, мудро создающее себя из неисчислимого богатства формирующих сил, и материю, благодаря которой наше тело хоть и включено в физически зримый мир и

подчинено законам тяготения, но которая постоянно заменяется, а потому не есть сущностная принадлежность тела. Собственно говоря, тело ведет постоянную борьбу с материей, которую приемлет в себя с пищей и дыханием, преобразует и вновь отторгает. Формирующая сила тела как раз и проявляется в этой борьбе с материальностью, сущностно ему чуждой. Духовная форма утверждает себя, по сути, вопреки материи: она живет в постоянном сопротивлении процессам разрушения. Для этого требуются огромные силы воли. На подсознательном уровне они непрерывно борются с силами смерти. И все же этих сил недостаточно, чтобы навеки спасти облик от разрушения. - мы умираем. В религиозных откровениях всегда ощущается, что закон умирания противоречит первообразу человека, что наверное произошло глубокое падение, "грехопадение", втянувшее его в чуждую ему сферу, где царят сила тяжести и смерть. Провидцам древности это падение, означающее постепенное увязание в глубинах материи, представлялось в образе искушения змия. Люцифера. Вместо того чтобы сплестать себе в эфирных высях тела из света, не ведающие смерти, подверженные лишь преобразованиям, падшим человеческим существам пришлось втиснуться в рамки земных законов. Правда, нали они не по своей вине, а скорее, в результате космической трагедии, но все же человек причастен к этому падению.

Вначале человек, познав отныне земную смерть, еще умел поддерживать некую связь с божественной жизнью. Однако по мере заострения в материи и отчуждения от духа эта связь слабела и притуплялась. Умирая, он всякий раз поневоле оставлял па Земле духовную форму, совокупность всех благородных строительных сил, придавших облик его земному телу. Лишенная тела, а потому пребывающая в "несовершенном состоянии", душа влачила после смерти жалкое существование. Ведь, чтобы выразить себя, ей нужны средства, и таким инструментом самовыражения для нее служило тело.

Назрела необходимость в деянии, диаметрально противоположном Люциферову соблазну и падению человека в материю. Надлежало восстановить нарушенное равновесие - не меж людьми, а меж мировыми силами, строящими человека и ведущими борьбу за его первообраз. В этом смысле вочеловечение Бога, поправшего смерть, есть факт космический. Христос был единственный, Кому достало сил, чтобы в смерти вырвать у законов материи не только Я, но и весь духовный образ. С сокрушительной мощью, заставившей Землю содрогнуться и отвалившей камень от гроба, формирующие силы отъединились от Его распадающегося тела. И с их помощью Он сформировал в сфере чистого эфира новый облик, более не подчиненный силе тяжести и потому способный преобразоваться в постоянном самоомоложении, ибо облик этот не знает смерти*./.*В цикле лекции "От Иисуса ко Христу" Рудольф Штейнер заложил в этом смысле основы новой теологии воскресения. Автор этой книги сделал попытку рассмотреть с данной точки зрения отдельные Пасхальные факты и работе "Воскресший и будущее. Земли" - "Der Auferstandene und die Erdeuzukunft" (Verlag Urachhaus)./

Деяние воскресения послужило началом сотворения нового человека. Человеческий облик восстановлен в том виде, каким он был задуман изначально, однако теперь он обогатился свободой и личностными силами, которые человек развил, пройдя через все земные глубины. С тех пор мы зрим сей облик во Христе. Он живет жизнью Земли и одновременно ведет небесную жизнь. В Нем смерть и жизнь пронизывают друг друга. Как прообраз грядущего мира совершенства Он являет нам наше собственное будущее. Своим участием во всех земных делах воскресший Христос - "первенец из умерших" - указывает направление земного развития, уже несущего в себе ростки грядущего состояния мира и человечества.

Христианское вероучение всегда различало посмертную жизнь и будущее "воскресение мертвых". Для воскресения душам еще предстоит созреть. Ведь воскресение - цель Земли, хотя уже ныне до некоторой степени возможно пробудиться в духе, жить с воскресшим Христом. Благодаря Его близости умершие как бы дышат воздухом воскресения, однако воскресшее тело они обретут силою Христа лишь в "Судный день".

В некоторых фрагментах у Новалиса говорится о том, что "Судным день есть синтез теперешней жизни и смерти (жизни после смерти)". "Каждым человек может приблизить свой Судный день посредством нравственности. Среди нас постоянно длится тысячелетнее царство. Лучшие из нас, те, кто еще при жизни проник в духовный мир, умирают лишь мнимо, позволяют себе мнимо умереть... Кто не достиг совершенства здесь, достигнет его там или же ему придется вновь начать земной путь". Как мы видим, для Новалиса, глубоко погруженного в факты воскресения, мысль о повторных земных жизнях не противоречит христианским истинам. В его представлении мы, люди, живем, ступень за ступенью приближаясь к своему "Судному дню".

То, чего Христос - божественное существо, пережившее вочеловечение - добился в Своей земной жизни, а именно полная победа над силами смерти, возможно для нас, люден, лишь посредством новых и новых воплощений. Ведь мы нисходим на Землю для того, чтобы победить смерть. Мы ищем встречи с нею здесь, на этой планете, где она установила свою власть. Кто способен полагать, что одной лишь земной жизнью и одной земной смертью он может победить смерть? Проникаясь силами Христа, человек в будущем преодолет смерть. Каждая смерть, которая выстрадана нами здесь и победоносно пройдена, есть для нас очередной шаг к воскресению. Каждым раз мы одерживаем частичную победу. И только когда все возможности будут исчерпаны полностью, когда мы отвоюем у смерти всю духовную силу, всю внутреннюю свободу, наша жизнь достигнет окончательной победы. Тогда для нас настанет "Судный день" в высочайшем смысле этого слова, ибо завершится цепь наших земных воплощений. Мы шагнем за рамки образа нашей прежней жизни. Новый мир зовет нас творчески участвовать в его созидании. Однако зачатки этого мира возникли в эфире и подрастают со времен воскресения Христова. Пока он недоступен земным чувствам, но в царстве умерших он уже ныне сияет светом девственно чистой. Земли, тогда как "мать-Земля" видится оттуда гибнущей, охваченной упадком.

Однажды нашу умирающую Землю постигнет участь отторгнутого шлака, если она не преобразится и не перенесется вместе с нами в горние миры. В таком случае очень важно, чтобы спаслись и побороли смерть не только бессмертные Я человечества, чтобы образовалась новая звезда, подлинно Христова Земля, на которой мы в новом облике пробудимся к жизни. Ведь "блаженство" человеческих душ в удаленных от мира высях, меж-тем как Земля будет идти навстречу своей гибели, означает дегенерацию нашего рода, а в конце концов его исчезновение. Человек и мир неразрывно связаны - Земля тоже идет навстречу своему Космическое воздействие смерти Христа и Его воскресения можно найти в образах Иоаннова Апокалипсиса. Здесь мы коснемся лишь тех тайн апокалиптической мудрости, что непосредственно связаны с "воскресением мертвых".

Когда темное развитие пройдет фазу одухотворения и Земля явится в новом облике, как центр нового космоса, для человеческих Я все будет зависеть от глубины и крепости уз, соединявших души с существом Христа на Земле. Только если внутреннее сродство, душевное притяжение к Нему окажется достаточно сильным, человеческое существо сумеет перейти в обновленный мир. Как существо, у которого есть жабры, но нет легких, нельзя перенести из воды на воздух, чтобы оно при этом не задохнулось, так и воздухом воскресения новой земной звезды способен дышать лишь дух, достигший соответствующего развития. Одно только понятие "милости" не разрешит этих тайн. Для рыбы, к примеру, перенесение в воздушную среду отнюдь не милость. Для человеческого существа воскресение будет милостью, только если оно разовьет все органы, необходимые для жизни в новой сфере. Лишь проникаясь сущностью Христа в продвижении от одной земной жизни к другой, человеческая природа преобразится и возвысится до той формы бытия, которая однажды потребует нам и прообраз которой явлен в Воскресшем уже теперь. Это и есть подлинная милость.

Шеллинг, в отважной борьбе за настоящую натурфилософию пришедшим к признанию телесного воскресения Христа, высказывает это убеждение в следующих

словах: "Зная, что Тот, кто первым восстановил связь меж природой и царством духов, прошел сквозь смерть, превращает для нас смерть в триумф, навстречу коему мы идем как воин к верной победе. Будучи людьми, мы вправе утешиться, ибо уготованные нам предназначения, несомненно, невероятно высоки".

Но человеческие Я найдут силы, которые позволят им вновь оживить все их былые облики, как бы формирующие силы каждой отдельной инкарнации. Они соберут их и соединят в новый первообраз. Ведь задатки человеческого существа столь богаты, что и наших воплощениях мы способны вылепить лишь ту или иную сторону. Шагая от народа к народу, от эпохи к эпохе, мы покуда овладеваем лишь односторонними проявлениями своей сущности и своих дарованиях. Только в мире воскресения человеческий дух сумеет примирить все противоположности своего существа в одной форме бытия. Противоположности полов тоже соединятся в высшей духовной форме и будут таким образом преодолены. Самоутверждение и самоотдача, творческая сила и восприимчивость обретут тогда прекрасное равновесие. Противоположности юности и старости будут опять-таки побеждены, ибо высшая зрелость сознания сможет раскрываться с естественной силою детства...

Однако возникновение такого нового космоса неизбежно приведет и к беспощадному кризису, связанному с тем, что в апокалиптических видениях будущего именуют "разделением духов". Ведь Христос может перетянуть в Свой мир лишь тех духов, которые испытывают притяжение к Нему. Души, постоянно отрицавшие и отталкивавшие Его существо, не смогут вновь оживить свои "земные останки", иначе говоря, покинутые ими формирующие силы. Они канут в небытие вместе с миримым шлаком, объединяющим в себе все закосневшее и отмершее. Им придется поднять "вторую смерть", о которой Иоанново Откровение говорит в сцене последнего суда.

Но что означает эта "вторая смерть"? Через нору смертью проходим мы все, такова наша земная участь. Христос тоже прошел через нее на Голгофе. Его смерть освящает нашу земную смерть. Христос сошел на Землю не затем, чтобы избавить нас от "нормальной смерти". Ведь посредством этой смерти физического тела мы пробуждаемся к духу. Но "вторая смерть" есть полное окостенение всех жизненных сил - смерть души. От нее нас спасет лишь существо Христа. Вторая смерть ввергнет нас в абсолютный мрак. Что измыслят воскресшие на новой Земле, дабы озарить и эту тьму светом Христовой любви и вернуть ей способность к восприятию - это жертвенные тайны грядущего космоса света.

"Возвращение всех домой" - апокатастасис - вот вечная цель любви. Однако для ее осуществления потребуются еще целые мировые эпохи любви. В главе о воскресении (I Кор. 15: 25) апостол Павел указывает на эту цель. Христос должен действовать, "доколе низложит всех врагов под ноги Свои. Последний же враг истребится - смерть".

ТРОПОЙ УСОПШИХ

Когда спадут покровы.
И мир развеется как сны.
Что нам казались новы.
И в свет войдем в обнажены. -
Светил порыв блаженный
Как сильно манит к бытию!
И в хор небес нетленный
Земля несет мольбу свою.
Она напоминает:
Не забывают голос свой!
Любовь нам пролагает
К Христу звучащий путь святой.

В Христе отообразится
 Все то чем в вечности живем.
 Он даст тому раскрыться.
 Что уж испытано огнем.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

О НЕКОТОРЫХ СЛОВАХ ИЗ НОВОГО ЗАВЕТА

Для читателей, ищущих внутреннего созвучия того, что написано здесь, и Библии, нужно сделать еще несколько замечаний. Потребность в таком созвучии вполне оправданна, потому что вся истинная мудрость о смерти исходит от света, воссиявшего на Голгофе. Но совсем не одно и то же, просвещает ли человека о сущности смерти живущий в нем Христос, или же его религиозные представления ограничиваются лишь пределами Библии. Здесь можно сказать словами Новалиса: "Кто объявил Библию закрытой?" и "Святой Дух больше, чем Библия. Он должен учить нас христианству".

Если искать в Новом Завете места, где прямо говорится, к примеру, об очищении души после смерти, то мы увидим, что там такие мысли лишь слегка обозначены. На фоне огромного значения этой идеи и католицизме они выглядят просто как слабые намеки. Наиболее известны слова апостола Павла о проверке строения (1 Кор., 3: 11 ст.), о том, что каждый строит на основании, которым может быть лишь Иисус Христос; испытание огнем откроет, как мы на нем строили - из золота, серебра, драгоценных камней или же из дерева, сена и соломы. Однажды наши дела пройдут испытание огнем. То, что имело преходящую ценность, уничтожится. "Впрочем, - прибавляет апостол, - сам спасется, но так, как бы из огня". Итак, вечное Я человека не уничтожается в ходе очищения, но выходит освобожденным от многого, что принадлежало лишь к миру призрачного. Правда, как говорит Павел, Я человека, чьи дела не устоят перед духовной реальностью, потерпит ущерб. Следствием этого будет не угасание, но замутнение его духовного сознания.

Посмотрим в этой связи на слова из Откровения Иоанна (13:14): "...отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними". Мы не станем затрагивать здесь давний вопрос о "справедливом воздаянии по делам". Если заниматься познанием духовной действительности, догматические споры (конфессиональные противоречия) разрешаются сами собой.

Обетование указывает на важным временном пункт, начиная с которого это станет возможно. Ведь в следующем же стихе описывается явление Сына Человеческого в облако. Иными словами, возможность пронести свои дела с собою в божественный мир связана со вторым пришествием Христа в духе. Поскольку они научились "умирать во Христе", то и в их делах действует Христос (а не низкие эгоистические воления). Такие дела уже не будут отринуты миром очищения. Поскольку в них уже действует преобразование, они тоже могут подняться в духовные сферы, "идут вслед за нами". Ибо они устоят перед духовно-нравственным миропорядком. Более того, станут кирпичиками для строительства нового космоса.

Дух умершего испытает при этом глубочайшее блаженство.

В прощальных речах Иоаннова Евангелия Христос тоже затрагивает мистерию очищения и очистительного огня (гл. 15). Посредством образа виноградной лозы он говорит о своей глубокой жизненной связи со всеми истинными учениками. Однако Отец (а мы знаем таково священное имя смерти, навстречу которой идет Христос) - виноградарь, очищающий ветви, чтобы они принесли более плода. Так Иоанново Евангелие позволяет предугадать жизненные круги, ожидающие нас после очищения

смертью. Плоды, приносимые и будущих жизнях, стоят перед исполненным надежды взором.

Приняв и круг своих представлений мысль о повторных земных жизнях, мы почувствуем, как в Евангелии начинают раскрываться все новые и новые горизонты. Это никак не расходится с христианской истиной, она лишь рассматривается в более широком мировом контексте. Кроме известных слов Христа, где Он прямо говорит об Иоанне Крестителе как о вновь пришедшем Илии (например, Мф. 11:14 и 17:12), в Евангелиях нигде не встречается открытого упоминания о реинкарнации. И все же эта мысль сквозит во многих пассажах текста. Так, например, в Евангелии от Иоанна (гл. 8) описывается, как Иисус, склонившись, пишет на земле знаки, когда к Нему приводят женщину, повинную в прелюбодеянии. Вопреки ожиданиям книжников. Он не судит; Он записывает на земле человеческие грехи. Ему не нужно судить и воздавать, однажды сама земля призовет человека восстановить справедливость, нарушенную его делами. Она хранит неискупленную вину до тех пор, пока человек не созреет к устранению своих проступков посредством добрых деяний. Рудольф Штейнер в своих лекциях об Иоанновом Евангелии впервые указал, как сквозь образы этого повествования, оставаясь неизреченным, просвечивает закон восстановления равновесия судьбы ("карма"). Подобные моменты можно найти в других местах Нового Завета.

Хотелось бы еще коротко остановиться на примечательных словах Христа, в которых многие усматривают противоречие учению об очистительном огне (Камалоке). "Ныне же будешь со Мною в раю" - так утешает Господь одного из злодеев, распятых вместе с Ним (Лк., 23: 43). Если бы мы вдруг освободились от всего замутняющего, душа возвратилась бы в состояние невинности, в "рай". Порой и на Земле человеку выпадают испытания судьбы, обладающие такой очистительной силой, что можно считать их своего рода чистилищем. Конечно, главное здесь то, как испытуемый судьбой проходит через очищение: разумея смысл страданий и принимая свою судьбу или же озлобляясь и ожесточаясь из-за них. В образе двух злодеев представлены два противоположных типа поведения. Человек, не посылающий проклятия своей мучительной судьбе, будет ею вознагражден.

Тот, кто проходит через распятие со Христом, умирая, ощущает свою смерть как облегчение, как непосредственное очищение ("Камалоку" на Земле), поэтому в миг смерти ему открывается мир света. Это судьба того злодея, который приемлет слово утешения. Христос обещает ему, что крестная смерть станет для него прорывом и пробуждением к чистой райской сфере. Вопреки протестантскому вероучению не "прощение грехов" как таковое избавляет душу от прохождения через мир очищения. Крестная смерть, пережитая в глубочайшем примирении и проникновении души Христом, - вот что дает этой душе очистительную и искупительную силу. Она возносит злодея в "рай" - сфера солнца отворяет перед ним свои врата.

ПОЭТЫ О ЦАРСТВЕ УМЕРШИХ

В дополнение к главе о Данте и Гёте хотелось бы упомянуть здесь еще об одном поэте, чьи художественные инспирации в глубочайшем смысле слова зажглись от соприкосновения с миром умерших. Это Новалис. "Гимны к ночи" свидетельствуют о мире, открываемом ему со стороны земного дня. В них описан мощнейший прорыв духа. Когда поэт, погруженный и скорбные мысли, стоял у могилы рано ушедшей возлюбленной, "расторглись узы рождения, оковы света"*: "ты, вдохновенье ночное, небесною дремой меня осенило; тихо земля возносилась, над нею парил мой новорожденный не связанный более дух. /*"Гимны к ночи". здесь и далее цитируются в переводе В. Микушевича./ Облаком праха клубился холм - сквозь облако виделся мне просветленный лик любимой. В очах у нее опочила вечность... " С той поры Софи пробуждает его, становится его провожатой к царству умерших. Он сам может заглянуть в

"неизведанный дол, в гнездилище Ночи" и находит там свою родину. Однако не затем, чтобы бежать от своей земной миссии. Поэт отвергает мелькнувшую вначале мысль о решении последовать за возлюбленной. Он хочет выполнить свою миссию - храня верность земному бытию стать в нем посланцем иного мира, певцом мира воскресения, узревшим в смерти омолаживающую силу и уже здесь победившим ее в духе: Смерть обновляет

В своей быстрине,
И вместо крови
Эфир во мне.
При солнечном дне,
Смерть моя - ночью
В священном огне.

В годину величайшего отчаяния Сам Христос отваливает камень от гробовых врат, раскрывая ему иной мир. Горние пространства распахиваются перед пробужденными чувствами: "На свадьбе смерть - жених". Творения поэта дышат воскресением. Фрагменты его романа - смелая попытка высокого мирового преображения. Зачастую кажется, будто в его глаза нисходит блаженный дух, отчасти свободный от земли, отчасти любовно склоняющийся к чувственному миру, и созерцает через него пеструю суету мира.

Хор мертвых в "Генрихе фон Офтердингене" - это хвалебный гимн, воспевающий чарующую красоту и изобилие страны умерших, с нетерпением ожидающей нас, зовущей к себе и желающей растворить нас в своих потоках:

Сокровенными волнами
В океан течем первичный.
Богу в сердце мы впадаем
С ним наедине:
Это сердце движет нами.
Обретает круг привычный,
Высшим духом обладаем
В нашей вечной быстрине.

XIX век заглушил силу такой поэзии, которая, глаголя устами Гёте и Новалиса, начала распахивать небесные арата. Песни Рюккерта, посвященные его умершему ребенку, знаменитое стихотворение. Геббеля "Реквием" ("Душа, о них не забывай..") и стихи Конрада Фердинанда Майера об умерших выделяются на фоне этой материалистической эпохи. Новый XX век вновь открыл душевному взору царства умерших, Рильке с особой любовью писал реквиемы: тончайшими ощущениями мира умерших проникнуты его поздние стихи. В строфах, названных "Смерть возлюбленной", поэт говорит о глубоком душевном опыте:

... тогда узнал он этих мертвых так.
Как будто породила с нами сразу она его.
И прежние рассказы он отметил.
И ныне этот мрак стал ласковой страной необходимой.
Он ощупью в ней полз у ног любимой*.

/*Перевод обоих двустихий Моргенштерна - В. П./Совсем по-иному звучат стихи о смерти у Кристиана Моргенштерна. Борясь в дни юности с темной загадкой - ведь ему не раз приходилось отвоевывать свою молодую, одаренную богатыми творческими силами жизнь у смертной тени, - он говорит о переживании смерти то с мрачным, то с героической интонацией. Весьма характерны следующие строим:

О смерть моя, были бы такой.
Как путь домой по солнечным потокам...
Он рисует волшебный вечерний мир:
С охотой, с ясным сердцем правлю челн
К тенистым берегам отчизны новой...

Можно сказать, что с таким настроем Моргенштерн шел навстречу своей сравнительно ранней смерти: "с охотой, с ясным сердцем". Произведения последних лет проникнуты благоговейным познанием, к которому он пришел через Иоаннову мистику и "стегию" духовного ученичества, указанной ему Рудольфом Штейнером. Они возвещают о мире умерших и о надежде на повторные земные жизни. От последних стихов словно бы веет духом Новалиса. Однако они не столь скорбны, в них звучат скорее жизнеутверждающие ноты, героическая бодрость.

"Хоронить герои в душе тебе рано!"

Отцветешь, как цветок опадаешь

отшумевшей листвой -

Никогда не сдавайся, борись за венец неустанно!

Все иные венцы у тебя за спиной исчезают,

Распадаясь, как тело, что их несет.

Этот только один на великом мосту воссияет -

Он возляжет еще на челе твоём духа нетленном.

И однажды, когда ты сюда возвратишься,

Ты пойдешь, словно блеском омытый священным.

/*Перевод В. Б./

В определенном смысле Рудольф Штейнер продолжил художественное дерзание Гёте, драматически изобразив жизнь умерших в небесных сферах. Его драма-мистерия "Пробуждение душ" повествует о звездном бытии. Мы заглядываем и удивительные сообщества умерших, созданные судьбою, видим, как они встречаются в горних мирах, как пробуждаются друг для друга и помогают друг другу. Мы внимаем духам - признаниям вины, их гнетущей; звездному блаженству, которое ведет их к зрелости: великим решениям, благодаря которым они учатся созидать волю к новому земному воплощению.

Слова любви властвуют в душах, возжигая в душе пламя и озаря божественным светом "полночь миров". И эти небесные пламена великолепны:

Их свет - шадящий; мягко излучают

Они величье милости полны,

Эфир пронизают мудрости зарницы, -

И радостно вливается блаженство в

души моей далекие пределы... * /*Перевод В. Б./

В заключение следует назвать одного из современных поэтов - Альберта Штеффена. С времен Данте никому, пожалуй, не удавалось в таких образах и в таком обилии персонажей изобразить судьбы умерших - вершины блаженства и бездны падения. Как драматург он умеет призвать на сцену и помощников высей, и тех, что пребывают в мире теней. Они становятся участниками земных событий, ведь в противоположность давним трагедиям их судьбы не завершаются со смертью. Они остаются движущими силами драматического действия... Н своих романах и новеллах Штеффен необычайно ярко и наглядно изображает судьбы умерших. Нам предстают люди, уже возвращающиеся в себе ростки грядущего и поднимающие завесы меж посюсторонним и потусторонним миром, - тем самым его произведения указывают в будущее. В своих "Малых мифах" поэт с такой силой пробуждает в читателе имагинативное чувство, что неуловимое волшебство иных сфер становится одна ли не осязаемым.

Волшебная красота романтической поэзии заключила в Альберте Штеффене союз с духовной ясностью искателя познания, который посредством сознательных духовных упражнений научился проступить порог смерти. Переживания и судьбы в мире умерших - отлитые то в форму баллады, то в форму возвышенной молитвы - предстают пород нами в его стихотворных сборниках. Хочется привести здесь несколько строф из книги, названной "Последнее причастие":

Я был сред душ, что вне ладони тленной

Лучится каждая своим, особым цветом.
 Сияя алым или синим светом.
 Их хор я слышал. Богом вдохновенный:
 "Мы, умерев, живем Христа приветом
 И образ был Его благословенный
 Устроен так, что камень драгоценны
 Зиял, как рана, в светлом теле этом.
 Господь я знал, вознесся в славе днесь.
 И ангелы, лишь, я вошел, изгнали
 Меня: я не избыл еще страдание.
 И я молил.: меня оставьте здесь! Но за грехи я вынужден в печали
 У гроба медлить, в черном одеянье.
 /*Перевод В. Б./

На рубеже эпохи материализма высится фигура еще одного мыслителя, говорившего о царстве умерших и подвижных философских формах.

Сначала в своей "Книжице о жизни после смерти" (1836), а затем и в более крупных философских работах Густав Теодор Фехнер* предпринял смелую попытку подняться от созерцания природы и законом ее метаморфоз к нащупыванию высших форм бытия. Начинает он спую книгу так: "Чело-иск живот на земле не одиножды, а трижды. Первая ступень его жизни есть непрерывный сон, вторая - смена сна и бодрствовании, третья - вечное бодрствование... /*?ехнер Густу" Теодор (1801-1887) - немецкий финик. психолог и философ: в своей философии исходил из противопоставления физико-математического ("ночного") и одухотворенного чувственного ("дневного") образа мира./

На первой ступени из зародыша развивается тело и формируются инструменты для второй; на второй ступени из зародыша развивается дух, формирующий инструменты для третьей; на третьей же ступени развивается божественный росток, что заложен в каждом человеческом духе и посредством догадки, веры, чувства и инстинкта гения уже здесь указывает за пределы человеческой жизни в темное для нас, но для духа третьей ступени светлое как день инобытие. Переход от первой ступени жизни ко второй называется рождением; переход от второй к третьей - смертью".

Фехнер рассматривает нашу жизнь в земном толе как зародышевое состояние. Под защитой оболочки чувственного сознания совершается эмбриональное развитие бессмертного человека. Такой подход, выработанный в изучении природы и стремящийся подняться к познанию духа, чрезвычайно сродни антропософскому. Ему недостает лишь - и это обусловлено эпохой - полного прозрений того, что рождение духа, обычно возможное только со смертью, может произойти уже здесь и что для итога существуют внутренние инструменты. Дух Фехнера словно бы озарен отблеском посвящения в древнюю мистериальную мудрость - посвящения, которое ему в последней земной жизни не вполне удалось обрести вновь, Его представления тяготеют к земному даже там, где он поднимается до созерцания удивительно тонких фактов. Ему открылось таинственное влияние умерших на нашу душевную жизнь. Он чувствует, что наше мышление, чувства и воление суть нечто большее, чем покуда способно постичь наше собственное сознание. Мы сами воспринимаем лишь внешний слой своих душевных движений. Однако в них действуют тончайшие колебания и подходные течения, сокрытые от нашего взора и разве что смутно осознаваемые. Как раз в них, по Фехнеру, и проявляется влияние умерших, которые таинственным образом участвуют в нашей душевной жизни.

Духовная наука Рудольфа Штейнера обращена к тем же глубинным пластам нашей душевной жизни, но она указывает пути и средства осознания именно этой, незримой части отдельных видов душевной деятельности. "Подсознательное" может стать осознанным благодаря методичному самопробуждению. Укрепляя душевные силы, можно просветлить его и, наконец, поднять до уровня духовного созерцания целенаправленным упражнением в медитации и концентрации. Такая работа над познанием открывает нам. к

примеру, как во всяком помышлении неприметно пульсирует воля и как, овладевая этим активным элементом, можно постепенно сделать силы своего мышления независимыми от тела. В таком мышлении Я способно пробудиться по ту сторону границ рождения и смерти. Точно так же работа над волевой инициативой может исподволь привести к высвобождению волевой природы из-под власти сил телесности. И тогда наше Я ощущает себя частью и органом нравственного мира, в котором действует воскресение.

Подобные упражнения, озаряющие светом обычно неосознанные участки души, показывают и как сокрытые от нас вибрации умерших влияют на всю нашу внутреннюю жизнь, как они инспирируют нас и каким образом в некотором смысле поглощают наши силы.

Такой способ познания позволяет исследовать и мир, где в космических высях и просторах умершие ведут бестелесную жизнь, а не только их присутствие в душевной жизни земного человечества, на котором сосредоточено внимание книги Фехнера. Ведь мышление, чувство и воление существуют не только в телесной форме, знакомой нам по некоей обычной душевной жизни.

Фехнер великолепно изображает бесконечную близость всех душ и духов, но, увы, обходит стороной индивидуальное развитие бессмертной души после смерти. Впрочем, нельзя не отметить, каким образом он включает в свои построения принцип Христа: чем большую способность любить и понимать развивает душа на земле, тем шире сферы, открывающиеся перед нею после смерти. Ведь такая душа способна больше воспринять, активнее сопереживать и действовать в других душах. Итак, любовь расширяет сознание души после смерти.

О СПИРИТИЗМЕ

В дополнение к уже сказанному о спиритизме (см. с. 101 слл.) следует добавить еще одно соображение касательно его сущности. Огромные заблуждения в этой области чаще всего возникают в силу неумения четко различать вечное ядро Я и эфирные оболочки, сброшенные умершим. Эфирные формирующие силы, от которых умерший освобождается спустя несколько дней, отнюдь не пропадают бесследно. В смысле духовной науки нужно было бы сказать, что на первых порах они продолжают создавать легкие отпечатки в эфирном мире, где могут вызывать отражения. И, как всегда, есть существа, которые словно бы только и ждут случая завладеть такими покинутыми оболочками. В науке о духовном мире издавна говорилось о "стихийных духах". Среди них встречаются такие, которые стараются вжиться к привычки людей, как бы жаждут имитировать человека. Нередко подобные существа стремятся к воплощению медиумическим путем, поражая неожиданными способностями, сохраняющимися порой в эфирных останках давно умерших. Например, когда вызывают дух великого поэта и одно за другим начинают звучать стихотворения в его стиле, мы чаще всего имеем дело с остаточными вибрациями эфирных сил, из которых словно по волшебству временами создаются таланты. Обладая здоровой способностью различать, нетрудно заметить, когда открывается творческая индивидуальность, а когда лишь теш" (пустое, по искусное бряцание рифмами!).

Итак, в преобладающем большинстве случаев! таким путем заявляет о себе вовсе не подлинное Я умершего. Поскольку некоторое время его духовное сознание как бы покоится на сброшенных эфирных оболочках, оно порой может проявиться и вправду. Хотя такое привлечение угасающих, улетающих формирующих сил к земному служению само Я ощущает как помеху. Древнейшие культуры, особенно в атлантическую эпоху, во многом строили социальную жизнь - вплоть до законодательства - на священных силах ушедших поколений. В те времена люди поддерживали сознательную религиозную связь с топкими оболочками великих предков. Они чувствовали, что эти эфирные тела таят в себе высокие способности (хотя вечное Я царя или мудреца давно

покинуло эту оболочку). Через их посредство люди искали инспираций духовных миров. Так в древности воз-пик культ предков. Кое-что из этих традиции сохранилось в восточноазиатском мире но сей день. Нот почему социальная жизнь восточных народов долгое время имела опору в силах мудрости; с другой стороны, мощное влияние сил предков мешало освобождению личности и прорыву к индивидуальному жизнотворчеству.

И все же есть существа, в основном стихийного свойства, которые стремятся утвердить себя в физическом бытии, как бы ворваться в сферу природы. Используя покинутые эфирные силы, они могут сгущаться в "привидения" или заявлять о себе стуком и громыханием. В духовной науке Рудольфа Штейнера все существа, необоснованно желающие проникнуть в земную сферу, называются "ариманическими". Познание их сущности - наилучшая от них защита. В свете истинного познания духа их воздействия, как правило, мало-помалу нейтрализуются.

ОБРАЩЕНИЕ К ЦАРСТВУ УМЕРШИХ

Эпоха, полная несчетных жертв, изменяет и атмосферу Земли. В двух мировых войнах через врата смерти прежде времени прошли миллионы людей. Эти души расстались с телом поневоле, не успев утолить жажду жизни и израсходовать свои силы. Многие из них все еще кружат над местами своего земного бытия, привязанные к ним неутоленной тоской. Они ждут помощи от живых. К павшим в бою в наши дни прибавляются бесконечные вереницы замученных, гонимых, умерших от голода и слабости. Они пронесли через порог смерти разочарованность жизнью. Но нельзя забывать, что есть и души, мужественно принешие себя в жертву, стойко перенешие страдания и оттого пошедшие в духовные миры очищенными. Они сияют светом в духе. Они сумели извлечь пользу из страдания и смерти и потому способны помогать земным людям из иных миров.

Когда размышляешь о безысходности нынешней ситуации в мире и тщетности предпринимаемых усилий, нередко кажется, будто центр тяжести человеческого развития переместился с земли " царство умерших, будто новые времена и новые созидательные импульсы готовятся в том мире. Н таких ситуациях ощущается особая важность осознанной и любовной связи с иными сферами. Величие древних культур часто обусловлено теснейшей связью с культом умерших, который практиковали эти народы. Так, в религиях древности было принято устраивать празднества, посвященные умершим, в ту пору года, когда мир погружается в сокрытость - поздней осенью. Ведь в царстве сокрытого правят умершие, недоступные нашему чувственному зрению. Праздники, отмечаемые католической церковью в самом начале ноября - День всех святых и День поминовения усопших, - храпят отзвук этих достойных традиций. Один праздник напоминает о тех, кто уже достиг духовного света и оттого может прийти на помощь: другой призывает не забывать о душах, которые еще проходят очищение, борются во мраке и оттого нуждаются в нашей помощи.

Протестантство в целом утратило понимание этой огромной и священной сферы религиозного служения и долга. Католическая традиция сохранила его, правда в догматичных формах, ни о чем не говорящих современному сознанию и прежде всего не отвечающих нынешним потребностям душевного развития умерших. Собственно, в них еще действует мудрость умерших, которая уходит своими корнями в дохристианские эпохи и просто заимствована христианской традицией. Поэтому с точки зрения развития вполне оправданно, что она пришла в упадок. Однако человечество, которое властвующий ныне беспощадный дух времени ведет к смертному порогу, нуждается и в новом понимании смерти - понимании, которое мы обретем благодаря Тому. Кто сумел превратить смерть в высшую жизнь и оттого озаряет мир умерших новым светом. Иоанну Прозорливцу довелось встретиться на Патмосе с Воскресшим, который пес ключи от врат царства умерших. Христианство, ищущее и преданно храпящее близость к Воскресшему,

тоже сумеет обрести такую ключевую силу. Ныне она возвращает возможность формировать надлежащие мысли о царстве умерших, разнимая с их помощью отношение к жизни, способное преодолеть болезненный разрыв.

Один из важнейших моментов глобального духовного и, в частности, религиозного обновления современности - пробудить осознание мира умерших. К счастью, рядом с Общиной христиан, основанной вскоре после Первой мировой войны, был советчик и наставник, который передал ей мудрость о преодолении смерти и учил общению с царством умерших, что живут по Христе.

Если мы начнем размышлять об умерших с интересом и пониманием их развития, если будем с сердечным теплом проследивать их горести и испытания, то в нашей душевной жизни тоже наступит перемены. Прежде всего мы вскоре заметим, как совершенно по-новому упорядочивается наша судьба. Мы ощутим в ней таинственное, по уверенное водительство. И мало-помалу почувствуем присутствие умерших в своей жизни, их любовь и мудрость, способную защитить и вести. А сегодня, когда над всем земным бытием нависла угроза, нам очень нужна эта крепкая защита.

Община христиан не стремится отводить определенный день для специального праздника, посвященного умершим. В сущности, в алтарных действиях, проистекающих из присутствия Христа и направленных к тому, чтобы наши души встретились с Поправшим смерть, совершенно незачем проводить существенное различие меж тем и другим миром, меж живущими в земном теле и прошедшими через врата смерти. Любое священнодействие перекидывает мост над бездной, разделяющей два мира. Когда алтарное действие доходит до ступени, именуемой "жертвоприношением", наши молитвенные мысли посвящаются в первую очередь умершим. Пытаясь через жертвенный настрой приблизиться к божественной первооснове бытия, мы вовлекаем в свои помыслы те души, что уже избавились от земного тела. Постепенно мы начинаем ощущать их соучастие в жертвенном жесте. Однако, достигая тон ступени, которая называется "пресуществление", приближаясь к величайшему из умерших, который из любви отдал и поныне отдает Свои божественно-человеческие силы всему земному бытию. мы отыскиваем и те души, что уже пробудились и свете духа; в них мы провидим своих хранителей и союзников в духе. Мы стремимся прочувствовать их близость и открыться их инспирации. Уже здесь мы учимся вступать в *communio sanctorum*, в то "сообщество святых", о котором говорится и древнем апостольском учении. Лишь их царство есть залог грядущего пашен планеты, если земное человечество беспомощно опустит руки. Мы чувствуем: на крыльях священных слов наши любовные помыслы проникают к тем, кто стремится вовлечь нас в самую глубь своих жизненных сфер, чтобы через них наша внутренняя жизнь неизмеримо обогатилась, а мы обрели ту непоколебимую духовную уверенность, без которой ныне все человеческие дела на Земле вершились бы впустую.